

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[**ИМПЕРИЯ**
ВИВАТ ИМПЕРАТОР!]

Империя

Роман Злотников

Виват Император!

«Автор»

Злотников Р. В.

Виват Император! / Р. В. Злотников — «Автор», — (Империя)

В конце девяностых на политической арене России появляется молодой и амбициозный персонаж: Дмитрий Ярославичев, глава «Фонда Рюрика» и, по слухам, прямой наследник рода Романовых. Его организация обладает неиссякаемыми финансовыми ресурсами, которые совершенно бескорыстно идут на развитие страны. Власти в замешательстве – что заставляет Ярославичева разбрасываться деньгами, откуда у юного главы фонда такое состояние? Неужели все, что он делает для соотечественников, можно объяснить мифической щедростью?.. Спецслужбам неизвестно, что на самом деле Дмитрий – один из старейших представителей расы сверхлюдей, живущих на нашей планете не одну сотню лет. Его главная задача – объединение всех государств с целью космической экспансии. И отправной точкой объединения человечества выбрана именно Россия...

© Злотников Р. В.

© Автор

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Часть I	12
1	12
2	18
3	23
4	31
5	38
6	43
7	49
8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роман Злотников Виват император!

От автора

За написание этой книги меня побудила взяться одна идея. Однако прежде чем вас с ней ознакомить, хотелось бы сделать небольшое отступление. Я придерживаюсь точки зрения, которая, в общем-то, с порога отвергается мэтрами так называемой «серьезной» литературы, а именно – что фантастика служит осмыслению окружающего мира и его взаимоотношений с духовным миром человека ничуть не меньше, а порой даже и в более значительной степени, чем «серьезная» литература. Просто, в отличие от этой литературы, занимающейся, если можно так выразиться, реальной действительностью, фантастика экстраполирует эти процессы на будущее, имея в виду, что это может стать реальностью, а может и не стать, исходя при этом из современных нам представлений о дальнейших путях развития технологий, социума и возможностей человека. То есть, говоря проще, Достоевский пишет, к чему можно прийти, задавшись вопросом: «Тварь я дрожащая или право имею» в русле рассуждений молодого петербуржца Раскольникова, а его современник Жюль Верн в поисках решения той же проблемы рассматривает, к чему повел бы подобный ход мыслей, попади сверхсовременная военная технология, например, технология постройки подводного корабля, в руки молодого, горячего, пусть и образованного, представителя порабощенного индийского народа.

Сегодня уже ясно, что подобная экстраполяция стала жизненной необходимостью. Недаром же этим занимаются целые институты и международные исследовательские центры. Но только фантастика может поставить вопросы, на которые нет однозначно достоверного, а возможен лишь статистически достоверный ответ, и вовлечь в процесс осмысления этих вопросов и поиска ответов на них огромные массы людей.

Размышляя обо всем вышесказанном, я заинтересовался, почему авторы, так или иначе касающиеся в своих произведениях темы освоения человечеством Галактики, в подавляющем большинстве совершенно четко и ясно дают понять, что на этом пути человечеству не миновать возрождения имперской формы правления. «Неужели, – подумал я, – все дело в том, что слова „граф“, „дворянин“, „Ваше Высочество“, „сэр“, „леди“, „вассал“, „честь аристократа“, „офицер Его Высочества“ и множество других, которые мы связываем с монархией, просто романтичны и ласкают слух? Или это все же пусть не всегда осознанная, но явно ощущаемая большинством людей, овладевших мастерством экстраполяции (без чего, по моему мнению, успешного писателя-фантаста просто не может быть), генеральная вероятность?» Признаюсь, я относился к монархии и, соответственно, к монархистам несколько... снисходительно, что ли, воспринимая монархию как некий курьезный, совершенно ненужный и неработающий обычай некоторых отсталых, не особо значительных или традиционно консервативных стран. Что до российских монархистов, то они казались мне просто ряжеными.

И вот однажды мне попал в руки статистический сборник. Перелистывая его, я обратил внимание на то, что из десяти стран с наивысшим уровнем жизни граждан – семь являются монархиями. Это меня заинтересовало, и я попробовал провести что-то вроде сравнительного анализа по нескольким параметрам, ориентируясь именно на этот необычный признак. Оказалось, что монархии, как ни странно, оставили далеко позади страны с иной формой правления практически по любому показателю. Продолжительность жизни... уровень технологического развития... количество компьютеров на душу населения... уровень образования... темпы роста промышленного производства... Я обнаружил, что монархии опережают своих соседей в любой своей ипостаси и в любом регионе (исключения, конечно, присутствуют, но

именно единичные, то есть из числа тех, что как раз и подтверждают правило). В Европе большинство монархий принадлежит к конституционному типу, то есть их скорее можно было бы назвать монархическим вариантом демократического государства, но при всем при этом, за что бы эти монархии ни брались, у них это выходило лучше, чем у соседей. Шведы, например, не отказываясь от короля, сумели даже построить нечто, что было названо потом «шведским социализмом». В арабском мире, где демократия не в чести и монархии присутствуют в своем изначальном абсолютистском виде, Кувейт, ОАЭ и Саудовская Аравия оставили далеко позади своих соседей – Иран и Ирак, обладающих не меньшими нефтяными богатствами.

До сих пор у меня пока больше вопросов, чем ответов, но некие мысли по этому поводу уже появились, и я попытался предложить их для обсуждения читателю. И все же не это было то главное, что побудило меня заняться этой книгой. Дело в том, что у большинства авторов Галактическая империя либо уже давно создана, либо уже осталась в далеком прошлом. А мне стало интересно описать сам процесс ее создания.

Итак, берем интересную планетку по имени Земля, причем именно конца XX – начала XXI века, со всем набором ее проблем и успехов, разделенную на две с лишним сотни симпатичных и не очень государств, и получаем на выходе Галактическую империю. Естественно, пока никаких намеков на то, что в ближайшее время начнется движение в этом направлении, не просматривается. А потому, чтобы придать происходящему в книге хоть какую-то достоверность, мне пришлось вспомнить Аристотеля, который еще во времена Александра Македонского исследовал различные типы государств, от демократии до тирании, и пришел к выводу, что наилучшей формой правления, обеспечивающей наивысшее процветание государства и счастье народа, является именно тирания (суть абсолютная монархия). Но только при наличии в качестве тирана умного и талантливого правителя. Иначе все преимущества тирании тут же превращаются в ее недостатки. Оставалось только подумать, откуда же взять этого умного и талантливого правителя и каким боком впрячь этого умного и талантливого в столь неподъемное ярмо. Честно признаюсь, я решил особо голову над этим не ломать, так что обвинения во вторичности меня нисколько не удивят.

А вот что из всего этого вышло – решать вам. Если вы сочтете первый результат моих потуг более или менее достойным – что ж, двинем дальше, к звездам.

Vive l'Empereur! – Да здравствует император!

Пролог

(За два года до начала...)

– Э-ге-гей!

Эхо от звонкого девичьего голоса разнеслось над заливом. Клаус обернулся. Грета взобралась на огромный гранитный валун и приплясывала на нем, размахивая руками и пугая чаек. Ее желтая куртка ярким пятном выделялась на сумрачном серо-зелено-бежевом фоне береговых дюн. Клаус помахал рукой в ответ и поежился. Зима в этом году выдалась премерзкая. Снега почти не было. С самого Рождества то моросило, то заряжал стылый унылый зимний дождь, опасный тем, что к рассвету городские улицы и автобаны покрывались сплошной ледяной коркой. Из-за этого происходило множество аварий. За последние два месяца Клаус трижды опаздывал на работу, потому что полицейские перекрывали объездное шоссе вокруг Бремерхафена, пока дорожные службы растаскивали огромные, на три-четыре десятка машин, хвосты воткнувшихся друг в друга автомобилей. Впрочем, владелец книжного магазина господин Нитке, в первый раз слегка поворчавший по этому поводу, к двум последующим опозданиям отнесся вполне благодушно. Возможно, потому, что и сам раза два застрял в пробке по той же причине.

– Э-ге-гей, Клаус, смотри!

Юноша поднял глаза. Грета успела спуститься со своего пьедестала и вприпрыжку бежала к нему, неся что-то в сомкнутых лодочкой ладошках. Клаус поморщился. Бог ты мой, ну почему секс делает женщин такими деятельными и энергичными? Единственное, что хотелось ему самому после бурно проведенной ночи, так это свернуться клубком под одеялом и спать, спать, спать... Но Грета умудрилась растормошить его почти на рассвете и утянуть за собой на берег. Хотя что делать на рассвете на побережье? Особенно в феврале. Клаусу ничего не оставалось, как, позевывая, таскаться по берегу следом за Гретой да поплевывать время от времени в стылые волны Северного моря в ожидании, когда же наконец истощится запас энергии, накопленный за ночь молодой кобылкой.

Впрочем, несмотря на столь нерадостное начало субботы, прошедшую неделю можно было назвать вполне удачной. Ведь Грета согласилась в конце концов провести с ним уикенд на побережье, да и номер в мотеле удалось снять почти на десять марок дешевле, чем Клаус рассчитывал. Впрочем, этому тут же нашлось простое объяснение – мотель был почти пуст. Кроме них двоих, на два десятка номеров был только один постоялец – рослый старик с благородным профилем и роскошной гривой седых волос. Самое удивительное, что, несмотря на возраст, на женщин он, похоже, действовал ошеломляюще. Во всяком случае, вчера вечером, когда пожилая консьержка записывала их имена в толстенную амбарную книгу и этот старый пень появился у стойки, Грета, бросив на него поначалу вполне равнодушный взгляд, внезапно вздрогнула и, практически одновременно с консьержкой, при появлении старика мгновенно встряхнувшейся подобно старой охотничьей собаке, услышавшей звук рога, инстинктивно поправила волосы и расцвела такой улыбкой, какую Клаусу на ее симпатичном личике до сих пор наблюдать не доводилось. Но старик не обратил на эти потуги двух самок ни малейшего внимания. Он коротко кивнул и, задержавшись у стойки всего на какую-то минуту, а может, и меньше, величественно-аристократичным жестом принял ключ, после чего спросил глубоким баритоном без малейшего признака старческого дребезжания:

– Мне не звонили?

Консьержка кокетливо повела плечами, совершенно позабыв о том, что они укутаны в серую, побитую молью шаль:

– Нет, герр Мойзель, – и после короткой паузы добавила таким голоском, что, не видя старушку, можно было подумать, что говорит женщина по крайней мере лет на тридцать-сорок помоложе, еще не потерявшая все свои зубы: – Ваши вечерние газеты я оставила на столике в номере. Вы знаете, – консьержка игриво склонила голову к плечу, – Горбачев опять встречается с Рейганом.

Скорее всего, старухе было глубоко наплевать на Горбачева, Рейгана и им подобных высоких персон, просто она почему-то была убеждена, что столь солидного господина должны интересовать именно такие вещи. Старик ответил кивком, походившим на изысканный легкий поклон.

– Благодарю вас, фрау Марта.

И двинулся вверх по лестнице, словно и не заметив вовсе стоявших рядом Клауса и Грету. Грета проводила его взглядом, потом живо повернулась к консьержке.

– Кто этот господин?

Старушка, различив, как видно, в ее голосе некие обертоны, которые любая женщина научится распознавать с молоком матери, мгновенно превратилась из престарелой Клеопатры в мегеру соответствующего возраста. Она поджала губы, мгновение сверлила Грету колючим взглядом, затем процедила сквозь зубы:

– Это – солидный и серьезный господин, а остальное нас с вами не касается, милочка. – После чего сдернула с висевшей за ее спиной доски массивный ключ со старомодной деревянной грушей на кольце и все тем же тоном бросила: – Ваш номер – семнадцать.

По случайному совпадению номер старика оказался в противоположном конце мотеля...

– Смотри, Клаус! – Грета резко затормозила прямо перед юношей, обдав его ботинки вылетевшим из-под ее каблуков мокрым песком, и ткнула ему под нос свою находку: – Это же янтарь, настоящий! Кто бы мог подумать?

Клаус вяло покосился на непривлекательный коричневый голыш, покоящийся в посиневших от холода ладошках девушки, и, едва удержав зевок, глубокомысленно кивнул:

– Действительно удивительно, как будто мы на Балтике.

– О-хо-хо! – Издав эту пародию на крик индейца, Грета рванула в обратную сторону, заставив сердце Клауса на мгновение екнуть. Пожалуй, надежде, что ему удастся вернуться в мотель еще до полудня, чтобы немного подремать и подготовиться к продолжению ночной оргии, не суждено сбыться. В этот момент за его спиной послышались приглушенные шаги. Клаус обернулся и... опешил. К нему приближался тот старик из мотеля. Но что за вид был у этого старого чучела! Уж не выжил ли он из ума? Выйти в такую погоду в махровом халате, купальной шапочке и шлепанцах на босу ногу! О господи, похоже, старый хрыч ошибся в исчислении как минимум на полгода. Клаус невольно отступил назад, опасаясь оказаться слишком близко от траектории упрямого движения жертвы старческого маразма, но сия жертва величественно проследовала мимо, не удостоив молодое поколение даже взглядом. Клаус нервно хмыкнул, но решил не вмешиваться, здраво рассудив, что если у этой древности еще есть шанс прийти в норму, то ледяная вода – лучшее лекарство. Между тем старик добрался до песчаной отмели и остановился, картинно оглядывая горизонт из-под ладони. Слева послышался отчаянный хруст песка. Клаус нервно огляделся, подспудно ожидая появления еще одного сумасшедшего. К счастью, это оказалась Грета.

– Клаус, он что, собирается купаться?

Юноша растерянно ухмыльнулся:

– Похоже.

– Но... там же холодно.

Клаус нервно скривился. Что ж, он всегда знал, что глубокий, пронизательный ум никогда не относился к явно выраженным достоинствам его подружки.

– Я знаю.

Между тем старик, по-видимому вполне удовлетворившись результатами своих зрительских изысканий, аккуратно расстелил на песке махровую простыню, сбросил на нее халат и скинул шлепанцы. Сделав полтора десятка энергичных движений руками, он легким шагом двинулся вперед, совершенно не обращая внимания на стылые волны, катящиеся ему навстречу. Когда вода дошла ему до пояса, старик на мгновение остановился, зачерпнул руками пригоршню воды и отер лицо, а затем изящным, гимнастически выверенным движением поднырнул под набегающую волну. Грета, все это время наблюдавшая за ним с возбужденно пылающим лицом, восторженно взвизгнула и захлопала ладошками, обтянутыми теплыми вязаными варежками. Клаус почувствовал приступ ревности. Поэтому он грубо оборвал восторги подружки.

– Пожалуй, надо вернуться в мотель и предупредить консьержку. Герр Нитке рассказывал, что человек может выжить в воде при такой температуре не больше двадцати минут, так что пусть старая гримза вызовет «скорую». Похоже, этому деду вскоре потребуется серьезная медицинская помощь.

Грета повернула к нему раскрасневшееся личико. Она была явно обеспокоена:

– Это правда?

– Что?

– Про двадцать минут?..

Клаус небрежно пожал плечами:

– Не знаю, но господин Нитке утверждал, что это максимальное время. Многие выдерживают гораздо меньше.

– Тогда побежали быстрее, – выкрикнула она и кинулась бегом к мотелю. Клаус облегченно вздохнул. Он опасался, как бы Грете не вздумалось лезть в воду и вытаскивать старика своими силами, но, слава богу, у нее оказалось достаточно здравого смысла, чтобы оставить эту работу профессионалам.

Когда он добрался до мотеля, Грета уже пританцовывала на ступеньках.

– Не волнуйся, Клаус, оказывается, герр Мойзель практикует какую-то восточную систему оздоровления. Китайскую или русскую. Он купается так каждое утро.

Клаус ухмыльнулся. Вот уж что-что, а волноваться из-за сумасшедшего старика он и не собирался. Просто... когда твоя девчонка смотрит на кого-то постороннего такими глазами, это не очень-то радует. Впрочем, похоже, это приключение вполне еще может закончиться довольно приятно. Достаточно посмотреть на Грету, глазки так и сверкают. Клаус взбежал по ступенькам и, ухватив подружку за локоток, другой рукой провел по ее тугой попке, обтянутой тесными джинсами:

– Пожалуй, нам тоже стоит освежиться перед завтраком.

Грета стрельнула глазами в сторону сосен, за которыми был скрыт берег, но охватившее ее возбуждение явно требовало выхода, и она, хихикнув, послушно повернулась к входной двери и нырнула внутрь.

К завтраку они так и не вышли.

На следующее утро они проснулись поздно. Когда Клаус продрал глаза, за окном вовсю бушевала непогода. Резкие порывы северного ветра колотили в окно тяжелыми плетями мокрого снега. Грета уже встала и плескалась в душе. Юноша широко зевнул и потянулся. Ветер ударил в окно с такой силой, что рама вздрогнула, стекла задребезжали, так что показалось, они вот-вот вылетят. Клаус поморщился. Если бы такая погода была вчера, он бы только поразился, но сегодня им предстояло тащиться на автобусную остановку. Плеск воды в душе прекратился. Клаус неожиданно вспомнил вчерашнее утро и старика в халате и покосился на окно. Вряд ли сегодня старик занимался своими безумными водными процедурами, если он, конечно, не самоубийца. Дверь душевой распахнулась, на пороге появилась Грета. Заметив, что Клаус уже проснулся, она замерла, отставив левую ногу и картинно потянувшись своим

крепким молодым телом. Но после двух бурных суток Клаус уже чувствовал некоторую усталость от секса, поэтому столь откровенный намек остался без должной реакции. Грета обиженно надула губки и хотела что-то сказать, как вдруг в дверь номера громко постучали.

Клаус недоуменно замер. Кому это они с Гретой могли понадобиться в этой глуши?

– Кто там?

– Откройте, это полиция.

Они переглянулись, Грета с легким взвизгом скользнула обратно в душевую, на ходу прихватив свои джинсы, футболку и свитер. Клаус свесился с кровати, отыскал на полу трусы и, натянув их, подскочил к двери.

За дверью стоял рослый капрал, на первый взгляд будто сошедший с картинки вербовочного плаката, но, когда он шагнул внутрь, оказалось, что выверты погоды способны подействовать даже на доблестную немецкую полицию. Глаза и щеки у капрала были красные, а с посиневшего кончика носа свисала мутная капля.

– Герр Креммер?

– Да.

Под колючим взглядом представителя власти Клаус почувствовал себя неловко оттого, что не успел натянуть футболку и сейчас торчит перед ним в одних трусах.

– А где фрау Штауф?

Клаус недоуменно застыл, но тут до него дошло, что капрал спрашивает о Грете.

– Она... в душе.

Капрал кивнул и, окинув его несколько недовольным взглядом, чопорно произнес:

– Господин следователь просит вас спуститься вниз.

Клаус тупо кивнул, все еще не понимая, с чего это вдруг в этом богом забытом месте появилась полиция и почему она желает видеть именно их. Но спросить ничего так и не успел. Полицейский вышел и аккуратно притворил за собой дверь. Из душа появилась Грета.

– Что случилось, Клаус?

Юноша пожал плечами:

– Не знаю, нас желает видеть какой-то следователь.

– Да? – Грета оживленно повертелась перед зеркалом и, поправив рукой еще влажные волосы, повернулась к Клаусу:

– Ну, я пошла. А ты одевайся и спускайся поскорее. Наверное, произошло что-то захватывающее. Вот здорово! – И ее рыжий хвост исчез за дверью. Клаус уныло поплелся натягивать джинсы. А он-то надеялся всласть поваляться. Ибо чем еще можно заниматься в такую погоду? Нет, все-таки секс действует на женщин неприлично возбуждающе. Он подошел к окну и выглянул наружу. На пустынной стоянке перед входом одиноко помаргивала сигналами новенькая бело-зеленая полицейская «джетта». Клаус завистливо вздохнул и, отвернувшись, начал одеваться.

Когда он наконец выбрался из номера в коридор, снизу доносились возбужденные голоса, среди которых выделялся тонкий, немножко визгливый голосок Греты:

– ...правда? О боже! – тут же прерванный брызгливым возгласом старой консьержки:

– ...а я вам говорю, что я прекрасно слышала все, что ему сказали. У нас очень старый аппарат, и у него большая трещина с обратной стороны трубки. Я уже давно говорила фрау Маншлоссе, это наша владелица, что пора поставить нормальный телефон, но она всякий раз отвечает только одно – что этот аппарат покупал еще ее покойный муж. Так вот, из-за этой трещины мне прекрасно слышно, что говорят постояльцам. – Старуха запнулась и уточнила: – Конечно, если они говорят рядом со стойкой.

Как будто допотопная развалина с куцом шнуром, выполнявшая в этом заведении роль телефона, могла стоять где-нибудь еще, кроме стойки...

Клаус вздохнул и двинулся вниз по лестнице.

Когда он появился в тесном вестибюле, Грета вовсю кокетничала с рослым капралом, а консьержка в неизменной шали, неодобрительно косясь на девушку, все еще доказывала что-то толстячку примерно такого же возраста, что и она сама:

— ...я вам говорю, там был женский голос, и она сказала только одну фразу: «Все хорошо». И больше ничего. А он молча положил трубку, улыбнулся и вышел наружу. Как и обычно, в халате, шлепанцах и купальной шапочке... да-да, я понимаю, но он делал так все двадцать дней, что был здесь. И, смею вам заметить, в прошлый понедельник погода была ничуть не лучше. В это время года у нас всегда ужасная погода, а этой зимой она вообще будто взбесилась.

Клаус, засмотревшись на старуху, споткнулся и чуть не упал. Он уже почти догадался, о чем идет речь. Грета повернула к нему свое покрасневшее, возбужденное лицо и протрепала:

— Клаус, ты только представь, какой ужас! Герр Мойзель утонул!

Часть I

Начало

1

Этот молодой человек появился в агентстве недвижимости «Белые ворота» уже перед самым закрытием. Одет он был модно и явно дорого. А ко всему прочему, несмотря на юный возраст, в том, как он держался и вел себя, чувствовался тот странный, едва уловимый шарм, который имеет некое отношение к большим деньгам, но который невозможно приобрести, лишь просто заполучив эти самые большие деньги. Как классическому английскому газону требуется всего лишь обычная регулярная стрижка, но в течение двух-трех сотен лет подряд, так и первые намеки на подобный шарм могут появиться только в третьем-четвертом поколении людей, основной жизненной заботой которых является не как заработать деньги, а как их с толком потратить. Такие господа среди уроженцев одной шестой части суши пока еще не встречались, так что этот юнец мог быть только иностранцем. А столь юный иностранец, интересующийся недвижимостью в России (а зачем еще стоило приходить в агентство), – это уже что-то сулило. Поэтому старший менеджер, заметив посетителя, тут же насторожился и, быстренько сплавив клиента, которым занимался, одному из юных дарований, пытающихся проявить себя на ниве торговли недвижимостью, подошел к молодому человеку, скромно стоявшему у стены и разглядывавшему фотографии в строгих багетных рамках – портреты знаменитостей средней руки, воспользовавшихся в разное время услугами агентства.

– Добрый вечер, чем могу быть полезен?

Посетитель обернулся, и по тому, что на его лице мгновенно вспыхнула привычно-вежливая улыбка, менеджер понял, что не ошибся. Юнец явно был иностранец. Однако, как оказалось, по-русски он говорил вполне прилично.

– Добрый... вечер. – Молодой человек мгновение помедлил, наверное, мысленно выстраивая русскую фразу. – Я бы хотел купить недвижимость.

Менеджер растянул губы в самой радушной улыбке, которую только смог изобразить. Какое умное заявление, а то он не догадался.

– И что же вас интересует?

Юноша немного помолчал, на этот раз, по-видимому, мысленно переводя с русского на тот язык, который считал для себя родным, затем, покончив с этим нелегким делом, вновь улыбнулся и произнес:

– Меня интересует дом на Крымской.

Менеджер сохранил спокойную мину, но про себя ахнул. С этой развалюхой на Северо-Западе фирма изрядно просчиталась два года назад, причем по его собственной вине. Он попал на муниципальные торги наутро сразу после хороших посиделок с институтскими однокашниками по случаю двадцатилетия выпуска. Поэтому голова у него работала не очень. Отдельное жилое строение общей площадью около тысячи квадратных метров было выставлено на муниципальных торгах за такую смехотворную цену, что, когда ее объявили, он подумал, что ослышался. Однако на всякий случай вытянул руку, справедливо (как ему тогда казалось) полагая, что если это окажется правдой, то пусть даже от здания остался один только фундамент, они все равно сумеют вернуть свое с лихвой. Это ведь Москва, а не Урюпинск. Но когда оказалось, что, кроме него, на этот лакомый кусочек других претендентов не наблюдается, у него засосало под ложечкой. Ну а когда на следующий день они поехали посмотреть на столь выгодное приобретение, он окончательно осознал, как они влетели. Это был дряхлый двухподъездный

кирпичный дом времен, может быть, первых пятилеток, зажатый между глухими складскими заборами. Он жалостливо взирал на своих новых хозяев зияющими проемами выбитых окон, уныло свесив набок снежную шапку, сквозь которую торчали, словно кости, стропила обрушившейся крыши. На уровне второго этажа вдоль дома тянулась двойная труба теплоцентрали, причем изрядно фонтанирующая, отчего вся его передняя стена была покрыта ледяными сталагмитами. Но, самое главное, окна нижнего этажа были забиты гнилой фанерой, обрывками картонных коробок и почерневшими досками. И это означало, что сие строение, кроме всего прочего, еще и облюбовано бомжами...

– Вы хотите купить этот особняк?

Юноша вновь улыбнулся:

– Нихт... э-э, нет, не особняк. Дом, старый дом. Мне сообщили, что он принадлежит вам.

– Да-да, конечно, прошу. – Менеджер, спохватившись, радушно указал рукой на дверь кабинета. Черт возьми, неужели появился шанс избавиться от этой развалюхи?! Отворяя перед юношей дверь, он поинтересовался:

– Чай, кофе?

– Кофе, пожалуйста.

Менеджер кивнул секретарю:

– Танечка, две чашечки и побыстрее, – попутно подмигнув и сделав жест пальцами, означавший, что все должно быть в лучшем виде.

Во внутреннем кармане посетителя запиликал мобильник. Он улыбнулся, как бы извиняясь, и поднес его к уху. Выслушав сообщение, он сказал что-то по-немецки и повернулся к менеджеру:

– Прошу меня извинить, но мне сообщили, что у нас изменились обстоятельства. По-видимому, эта недвижимость нам больше не нужна.

Менеджер замер. А юноша с несколько смущенным видом (он явно был еще слишком молод и слишком правильно воспитан, чтобы научиться бестрепетно разбивать людские надежды) добавил:

– Дело в том, что, как мне только что сообщили, представителю нашего фонда удалось подобрать другое помещение за схожую цену. Он как раз едет его смотреть.

А вот это уже давало шанс. Менеджер вообще не мог себе представить, чтобы в Москве нашлось хоть что-нибудь сравнимое по стоимости. А если даже и так, то состояние этого неизвестного строения должно быть еще более ужасающим. Поскольку они просят за эту развалюху такую цену, что ни о какой прибыли не может быть и речи. А если учесть, что за то время, пока сие убожество висело на их балансе, им пришлось заплатить за него земельный и остальные налоги, можно считать, что они работают себе в убыток. Менеджер встрепенулся:

– Ну что ж, жаль, однако если вы не торопитесь – давайте немного подождем. Вдруг наше предложение покажется вашему руководству более предпочтительным. Тем более что кофе уже готов. – И он самым настоящим жестом указал в сторону изящного стеклянного столика, возле которого располагались два роскошных бельгийских кожаных кресла в классическом стиле. Юноша на мгновение застыл на месте, как будто раздумывая, стоит ли ему поддаваться на столь настойчивое приглашение, нахмурился, будто сердясь на себя за нерешительность, и, важно кивнув, что, по правде говоря, выглядело немножко забавно, направился к креслам.

Не успели они усесться, представиться и обменяться визитками, как дверь отворилась и в кабинет, покачивая бедрами, туго обтянутыми стильными штанишками из блестящего материала, издали похожего на кожу, но гораздо более тонкого и легкого, вплыла Танечка. В ее изящных ручках покоился поднос, на котором теснились две дымящиеся чашечки свежесваренного кофе, небольшой молочник со сливками, крошечная сахарница и вазочка с воздушным берлинским печеньем. Менеджер довольно крикнул. Танечка все поняла правильно. Обыч-

ных посетителей они потчевали растворимой «Макконой» с парой ложек сухих сливок. Паренек повел носом, его губы тронула довольная улыбка. Похоже, он понимал толк в хорошем кофе. Танечка грациозно опустила поднос, изящно вильнув туго обтянутой брючками крепкой попкой, и наклонилась над столиком, представив на обозрение столь важному для руководства клиенту свою небольшую, но очень аппетитную грудь в глубоком (на грани приличий) вырезе кофточки. По возрасту паренек как раз находился на самом пике гормонального взрыва, так что эта демонстрация Танечкиных прелестей должна была подействовать оглушительно на его неокрепшие мозги, существенно ослабив аналитические способности перед предстоящей атакой. Однако, к удивлению менеджера, посетитель отреагировал на Танечкины изыски довольно вяло, явно отдав предпочтение хорошему кофе. И это было тем более необычно, что во всем остальном он демонстрировал реакции, довольно типичные для своего возраста. Поэтому менеджер быстренько пересмотрел уже сформировавшийся у него план обработки юного клиента, решив уделить установлению доверительного контакта гораздо больше времени, чем планировалось вначале:

– Как вам кофе?

Юноша благодарно склонил голову:

– Спасибо. Очень хорошо.

– Скажите... – Менеджер мельком взглянул на небрежно брошенную на стол скромную визитку гостя. – Дмитрий Иванович, а что это за организация – «Фонд Рюрика»? Честно говоря, я о нем впервые слышу.

Посетитель отставил чашку и, откинувшись на спинку кресла, устремил на менеджера пристальный взгляд:

– А чем вызван ваш вопрос?

Менеджер вскинул руки:

– О, ничем иным, кроме обычного любопытства. Просто у нас, в России, как правило, мода на различные имена и структуры идет волнами. Сначала было модно организовывать банки, потом агентства по торговле недвижимостью, затем повсюду как грибы после дождя стали открываться негосударственные пенсионные фонды и так далее. Но мода на общественные организации давно закончилась. Скажу откровенно, вы не производите впечатление представителя организации-однодневки, хотя мне как-то не приходилось слышать о такой организации, как «Фонд Рюрика».

Эта была лесть, причем довольно грубая. Известно, что в таком возрасте лесть в устах старшего действует неплохо. Однако и на этот раз реакция гостя оказалась совершенно несоответствующей его возрасту. Он никак не отреагировал на лесть, как будто вообще ничего не понял. Менеджеру показалось, правда, что в глубине его глаз мелькнуло что-то вроде понимающей усмешки, хотя в следующее мгновение он уже сам усомнился в этом. Между тем посетитель поставил чашку на столик и, аккуратно промокнув губы безукоризненно сложенным платочком, повернулся к собеседнику:

– Вы правы, «Фонд Рюрика» – организация довольно молодая. Он зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации (столь старательно произнести полное название подобного учреждения мог только иностранец, причем появившийся в России совсем недавно) всего две недели назад. Но наш Фонд представляет в России другую организацию. А той официально насчитывается уже почти две сотни лет, а неофициально – более четырехсот.

– Да? Как интересно. И что же это за организация?

– В переводе с немецкого ее название звучит так – «Общество содействия возрождению династии». Она была создана людьми, которых можно назвать первой волной русской эмиграции. – Юноша мгновение помолчал, затем с легким смущением в голосе признался: – Должен вам сказать, я сам узнал о ее существовании не так уж давно. Поэтому все, что я вам рассказываю, – это повторение чужих слов.

Менеджер ободряюще улыбнулся:

– Ну, если брать по большому счету, то все наши знания – суть информация, полученная с чужих слов. Во всяком случае, я не знаю людей, которым вздумалось бы лично проверять закон Ньютона или вычислять плотность воды.

Юноша улыбнулся в ответ:

– Вы правы. Так вот, когда руководители этой организации решили, что пришло время разворачивать деятельность Общества в России, тогда и был зарегистрирован этот Фонд.

– А... каковы цели деятельности вашего Фонда?

Юноша вновь как будто замялся, по крайней мере так казалось:

– Да так, изучение общественного мнения и... другое. – Похоже, гость был совершенно не расположен говорить на эту тему. Ему помог мобильник, который снова запиликал у него в кармане. Юноша все с той же извиняющейся улыбкой извлек трубку и, поднеся ее к уху, произнес:

– Я слушаю.

А менеджер, воспользовавшись тем, что гость отвлекся, решил повнимательнее изучить его визитную карточку. Она была чрезвычайно проста и незатейлива – гладкий серый картон, черный шрифт и маленький алый выпуклый логотип внизу посередине. Но менеджер знал, что именно вот за такой внешней простотой, как правило, скрываются очень дорогостоящие технологии. И эта на первый взгляд простенькая визитка скорее всего стоит как добрый десяток изукрашенных золотой фольгой, выпуклым, резным шрифтом и иными прибабасами безвкусно-роскошных творений, которые так любят личности, послужившие прообразами героев анекдотов под названием «новые русские». Он оказался прав.

Между тем его визави закончил разговор по мобильнику и вновь обратился к менеджеру свою улыбочивую физиономию:

– Вы были правы. То, что нам предложили, оказалось совершенно неподходящим вариантом. Поэтому я с удовольствием вернусь к... нашим баранам. По-моему, пословица звучит именно так?

Менеджер кивнул:

– Да, совершенно верно... – Он сделал паузу, затем вкрадчиво спросил: – А вы уверены, что особняк на Крымской – именно то, что вам требуется?

Конечно, сплавить развалюху было бы большой удачей, но чем дальше, тем больше менеджеру казалось, что с подобным клиентом можно сделать гораздо более денежные дела. О, нет, речь не шла о примитивном обмане типа: купил задешево – всучил задорого. Он собирался работать предельно честно. И взять свое исключительно на обороте. А в том, что эти пока еще загадочные руководители молодого человека собираются вложить в дело просто гигантские средства, он почему-то был уверен. И откуда эти деньги, его совершенно не интересовало. Впрочем, кое-какие предположения у него появились. В сказку о какой-то зарубежной организации, внезапно всплывшей желанием вкладывать деньги в Россию, он не особенно поверил. Как правило, все зарубежные инвестиции являлись деньгами, которые в свое время были вывезены из самой же России, как говорится, от греха подальше или, может, в преддверии близкого отъезда тех, кому они принадлежали. Но, как оно обычно бывает, уехать так и не собрались, а здесь жизнь начала то и дело подкидывать такие возможности, что тощие проценты иностранных банков стали казаться сущей насмешкой. Вот и принялись изворотливые умы изобретать различные зарубежные инвестиционные фонды, опасаясь того, что родимая страна вновь потянет руку за причитающимся ей куском, и по старой привычке надеясь, что «иностранные» деньги будут в большей безопасности. Вот только явное иностранное происхождение этого мальчика не очень-то укладывалось в схему. Да и в его поведении просматривались некие неправильности, как будто на самом деле он был гораздо старше, чем казался. Вот и сейчас в ответ на вопрос юноша улыбнулся и коротко сказал:

– Да.

И это тоже не соответствовало стандартной возрастной реакции. Обычно юнцам настоятельно требуется убедить весь мир (и себя в том числе), что их компетентность полностью соответствует выполняемой задаче. Поэтому в подобной ситуации они пускаются в многословные объяснения, пересыпанные различными терминами и профессиональными понятиями, зачастую имеющими к предмету разговора чрезвычайно далекое отношение. Менеджер посмотрел на посетителя долгим взглядом:

– Извините, Дмитрий Иванович, а позволено ли мне будет задать вопрос личного плана?

В глазах его юного собеседника мелькнула обеспокоенность, но ответ был столь же неестественно (для его возраста) лаконичен:

– Пожалуйста.

– А сколько вам лет?

– Разве это имеет отношение к делу?

Менеджер вскинул руки:

– О господи, если этот вопрос вам так неприятен, то я убедительно прошу меня извинить и забыть о нем.

Юноша пожал плечами:

– Да нет. У меня нет никаких причин скрывать свой возраст. Мне – двадцать два, и я не считаю это недостатком. Но даже если это так – это один из тех недостатков, которые быстро проходят, причем без всяких усилий.

– Ну что вы. Это было простое любопытство. Еще раз прошу меня извинить. – Менеджер круто сменил тему разговора: – Так вы уверены, что недвижимость на Крымской вас вполне устраивает?

– Да.

– В таком случае нам нужны реквизиты вашего Фонда и точная фамилия, имя и отчество лица, который будет подписывать договор от его имени.

Клиент улыбнулся:

– В этом нет необходимости.

Он сунул руку в карман и извлек российский паспорт общегражданского образца:

– Договор и документы оформите на мое имя.

Менеджер вскинул брови:

– Вот как? Ну что ж, отлично.

Он быстро поднялся, в мгновение ока оказался за дверью кабинета и рысцой подбежал к Танечке, уже натянувшей свою модную короткую шубку:

– Отпечатай договор по дому на Крымской. Шементом!

Танечка удивленно на него посмотрела и дернула подбородком в сторону двери:

– А он его хоть видел? А то потом разборки пойдут...

– Видел-видел, и вообще – не твое дело. Давай в темпе.

Танечка сморщила лобик, но, заметив, что начальник уж очень серьезен, молча уселась за компьютер. Менеджер нервно потер лицо. Он и сам не до конца понимал, с чего это он так разнервничался. Вроде как еще минуту назад сидел и прикидывал, как будет загребать хорошие деньги, а сейчас хочется только одного – поскорее завершить все формальности и спроводить гостя за дверь. И больше – никаких дел с этим гребаным Фондом. Впрочем, сегодняшним днем все, естественно, не кончится. Прежде чем договор о купле-продаже вступит в законную силу, предстоит еще немало повозиться. Но это потом, а сейчас вот вам, молодой человек, в зубы ваш особнячок – и адью. А всю остальную работу пусть делают младшие агенты.

– Ну, долго ты?

– Да что вы нервничаете – все готово. – Танечка обиженно надула губки. Но ее старания показать, как она обижена, пропали втуне. Менеджер схватил еще теплые после «Хьюлетта» листки договора и рысью унесся в кабинет...

Спустя десять минут молодой человек вышел из дверей агентства и, отворив заднюю дверцу подкатившей к нему «волги» с тонированными стеклами, проскользнул внутрь не очень просторного салона. Усевшись, он несколько мгновений молча смотрел в одну точку, потом негромко приказал водителю:

– Поехали.

Машина тронулась. Когда они выехали на Садовое, водитель, поглядев в зеркало заднего вида, спросил:

– Ну и как все прошло?

Молодой человек поморщился.

– Не ахти. Я все время забывал, что мне только двадцать два и что я еще плохо знаю русский язык. – Он вздохнул. – А впрочем, как они говорят, первый блин комом. Тем более что ничего уже не изменишь. Как когда-то сказал один мой старый приятель, перейдя одну узкую итальянскую речку, – жребий брошен.

– Ты начал говорить пословицами... Дмитрий. Это значит – ты нервничаешь. Успокойся. У нас все получится.

Юноша откинул голову на подголовник и устало произнес:

– Знаю.

И «волга», шелестя шинами, выскочила на Ленинский проспект.

2

– ...и никаких мужчин!

Грозно вздетый вверх палец должен был усилить впечатление от сурового тона, каким была произнесена эта сакраментальная фраза, но все впечатление портило явное несоответствие массы и размеров угрожавшей и тех, кому она грозила. Говорила маленькая, сухонькая старая дева, а слушали ее две рослые ширококостные девицы, чуть ли не вполтину выше ее. Со стороны это выглядело забавно, но созерцать эту сцену со стороны было абсолютно некому. Ну а для самих ее участников она была делом достаточно серьезным и важным. Впрочем, судя по излишне вздернутому подбородку, старушка отнюдь не обольщалась насчет того, что жилицы станут непременно соблюдать последнее условие. Наверное, поэтому она и говорила так громко и с таким запалом. Девушки переглянулись со скрытой иронией, и та из них, у которой были рыжие волосы, согласно кивнула:

– Конечно, Александра Сергеевна, мы понимаем.

Старушка еще раз грозно посмотрела на них, будто ставя последнюю подтверждающую точку, и уже мягче, вполне добродушно пробурчала:

– Ну ладно, давайте деньги и устраивайтесь.

Рыжая кивнула своей черноволосой подруге, та, опустив на пол чемодан, который держала в правой руке, достала из-за пазухи помятый конверт и вынула несколько бумажек. Старушка, тщательно послунявив пальцы, пересчитала деньги, засунула их за отворот рукава своей старенькой, заштопанной кофты и снова подняла глаза на девушек:

– Ну, прощайте. Теперь зайду уже двенадцатого. Так что с Новым годом вас и Рождеством опять же. – С этими словами она повернулась и, шаркая ногами, шустро двинулась в сторону узенькой прихожей. Оттуда еще пару минут доносилось ворчливое бормотание, затем хлопнула входная дверь и все стихло. Рыжая вышла в коридор, тут же вернулась обратно, кивнула подруге, мол, все в порядке, и, остановившись на пороге комнаты, еще раз окинула ее оценивающим взглядом:

– Да-а-а, убогонько...

– Как? – Черноволосая явно не знала такого слова.

Рыжая фыркнула:

– Учи язык, подруженька, как-никак считается, что он твой родной.

Черноволосая поморщилась и выдала длинную фразу по-немецки.

– А вот это ты зря, – протянула рыжая и укоризненно покачала головой. – Знание «неродного» европейского языка (эти слова она явно произнесла с иронией) здесь никак не помешает, но вот ругаться на нем – не стоит.

Черноволосая хмыкнула:

– До сих пор не могу понять, как это я согласилась участвовать в этой аванюре.

– А разве у тебя был выбор? – с усмешкой отозвалась рыжая. – Если Мойзель говорит «джамп», нам остается только прыгать.

Черноволосая скривилась:

– Не думала, что ночь Святого Варфоломея до сих пор производит на тебя такое впечатление.

– А на тебя нет?

Черноволосая вздохнула:

– Та ночь – нет, но все дело в том, что этот чертов Мойзель всегда оказывается прав. К тому же он вытащил меня из Освенцима. Хотя я в сороковом послала его к черту со всеми его советами. И это формально сняло с него всякую ответственность за меня и мою судьбу.

Рыжая задумчиво кивнула:

– Да-а, за столько лет Мойзель успел сделать своими должниками почти всех нас. Так сказать, долг чести. А остальные пойдут за ним просто потому, что он всегда оказывается прав. Кстати, перестань называть его старым именем. Теперь это милый мальчик по имени Дмитрий Иванович.

Черноволосая фыркнула:

– Вот уж никогда не думала, что когда-нибудь меня станут называть этими смешными русскими двойными именами. – Грациозным движением выхватив из сумочки паспорт, она прочитала с насмешливой улыбкой: – Ирина Валентиновна Тучина, год рождения – 1974, место рождения – город Спитак, Армянская ССР. – Она удивленно вскинула брови: – А почему Армянская? Ведь это вроде совершенно другое государство.

– Когда ты родилась – было одно и то же, – сказала рыжая и, мгновение помедлив, добавила: – и будет. Если я правильно поняла... Дмитрия Ивановича.

– Когда родилась я – не было еще ни того, ни другого. Но все-таки, почему именно это место?

Рыжая пожала плечами:

– Не знаю. Наверное, там не так давно произошла какая-нибудь катастрофа. И после нее осталось много неучтенных... биографий. Во всяком случае, тебе надо хорошенько разузнать о месте, где ты провела детство и юность. Но это потом, а сейчас давай разберем чемоданы.

Черноволосая встрепелась и еще раз окинула взглядом комнату. Страдальчески скривившись, она капризным тоном заметила:

– О боже, и здесь мне предстоит жить! У меня в Граце самая маленькая гардеробная была больше, чем эта комната.

Рыжая усмехнулась:

– Привыкай, милая. Прежде чем мы дорастем до тех стандартов, к которым привыкли, много воды утечет. Дмитрий Иванович особо предупредил, что мы должны позиционироваться по нижнему слою того класса, к которому принадлежим согласно легенде. А сейчас мы с тобой всего лишь одинокие молодые женщины с нелегкой судьбой и более чем скромными доходами, которые отнюдь не собираются увеличивать их за счет активных занятий древнейшей профессией.

Черноволосая засмеялась:

– Пожалуй, мне действительно стоит подзаняться языком. Много воды утечет... древнейшая профессия... это означает проституцию? – И, дождавшись утвердительного кивка, тряхнула головой: – Ну, это нам не грозит. С такими-то рожами... тем более здесь. Здешние женщины не знают себе истинной цены. Ты обратила внимание, сколько здесь хороших? Конечно, у них запущенный вид, они совершенно не умеют ухаживать за кожей, волосами, но какие природные данные! – Она задумчиво оттопырила нижнюю губу. – Пожалуй, во всем этом приключении уже просматривается кое-что полезное. Похоже, я слишком увлеклась южнороманским типом. И когда я наконец смогу привести свою внешность в более приличное состояние, я обязательно добавлю себе толику славянской крови.

Рыжая устало вздохнула:

– Ну что ж, добавь. А я, пожалуй, постелю и лягу. Эти две недели меня основательно вымотали. – Она резко, так, что хрустнули шейные позвонки, дернула головой, разминая затекшие мышцы шеи, и повернулась в сторону маленькой комнатки без окон, которая, как они уже установили при осмотре квартиры, была ванной. – Черт возьми, у них всего одна ванная, и та даже без окон. Представь, как я буду выглядеть в макияже, наложенном при искусственном освещении.

– Ну, здешние женщины как-то справляются. Причем не так уже плохо. Может быть, здешние светильники имеют спектр, более близкий к естественному.

Рыжая махнула рукой:

– Ну, это вряд ли. Насколько я изучила здешние нравы, здесь о подобных вещах думают в последнюю очередь. Впрочем, ты права – приноровимся. В конце концов, когда-то мы с тобой вполне умели обходиться без всякой косметики. Да и когда она появилась в нашей жизни, единственным искусственным освещением были свечи, а у них, смею заметить, спектр был еще более далек от естественного, чем у нынешних ламп.

Черноволосая ответила улыбкой:

– Ты права. Ладно, эти полмесяца действительно оказались слишком бурными для всех нас. Так что я тоже несколько приустала. Давай спать.

На следующее утро в редакции небольшой, местного значения газеты, носящий несколько претенциозное название: «Голос России», появилась молодая, не очень красивая девушка с тускло-рыжими волосами. Она робко отворила дверь, перекрывающую выход на лестничную площадку, на мгновение замерла на пороге, растерянно озираясь, затем, словно решаясь на что-то смертельное, зажмурила глаза и... шагнула вперед. К сожалению, этот явно героический поступок остался практически никем не замеченным. Редакционный коридор был полон народа, который толпился в основном как раз напротив входной двери, у давно облюбованного редакционным людом слегка заплеванного окна, одна из створок которого с самого рождения была немного перекошена, так что закрыть ее полностью не было никакой возможности. Вот почему этот угол оказался единственным местом на этаже, где неистребимый табачный запах хоть слегка перебивался струей свежего воздуха. В то же время он находился прямо напротив парадного, так сказать, входа в такой величайший оплот демократии региона, как вышеназванная газета. Поэтому любой новый главный редактор (кроме самого первого, каковой был причислен к демократам только по причине чрезвычайно слабого знакомства общественности того времени с различными политическими направлениями, так как был ярым анархистом, причем самого экстремистского толка) начинал свою деятельность с того, что пытался «секвестрировать» сие неприглядное явление или перенести его куда-нибудь подальше от входа. Причем такие попытки предпринимал любой новый главный вне зависимости от того, пришел ли он со стороны или вырос в этих же самых стенах и до назначения точно так же пристраивался на облупленном подоконнике с сигареткой в зубах. Но все эти усилия всегда оканчивались одним и тем же – главные сдавались и курилка оставалась на своем месте. Вот и сейчас здесь толпился редакционный люд, пуская в потолок клубы дыма и болтая помаленьку о том о сем.

Девушку первым заметил Роджер. Роджер, несмотря на внешность (благодаря крупным желтоватым зубам его лицо, когда он улыбался, сильно смахивало на основной элемент классического пиратского флага), считался в редакции записным сердцеедом. Причем, судя по всему, это реноме его полностью устраивало. Как, впрочем, и кличка. Хотя ее первопричины он несколько стеснялся и даже отпустил себе короткую, аккуратную шкиперскую бородку, справедливо рассудив, что черепа бородки не носят. Но благодаря какому-то странному психологическому выверту эта бородка только еще сильнее подчеркивала столь нелестное сходство. Однако пребывать в лиге «играющих на чужом поле» это ему совершенно не мешало. Впрочем, кто их поймет, этих женщин? Иной раз при первом же взгляде на мужичка любому сразу становится понятно – урод и сластолюбец, тем не менее женские сердца это чучело разбивает, что твои фужеры после лихого тоста.

Впрочем, при первом же взгляде на девушку Роджер понял, что сей объект вряд ли достоин его высокого внимания. Уж больно невзрачно выглядит. Однако отреагировал почти инстинктивно:

– Вы к кому, чадное создание?

Девушка крутанула головой и уставилась на говорившего. Несколько мгновений она недоуменно глядела на слегка взлохмаченное, бородатое существо, облаченное в кожаные брюки, косуху и высокие докеровские башмаки, и вдруг приснула. Подобная реакция на Род-

жера была внове для редакторского люда. Поэтому на девицу обратили внимание. Роджер тоже, похоже, слегка оторопел от такого странного поведения, поэтому, когда девушка шагнула вперед и, достав из сумочки щетку, с легкой улыбкой начала причесывать его взлохмаченные вихры, он с полминуты просто стоял и ошалело молчал. А девушка, закончив приведение в порядок Роджеровой головы, отступила на шаг назад и, окинув критическим взглядом свою работу, удовлетворенно кивнула.

– Ну вот, теперь на человека похож, – а затем протянула руку и, сжав Роджерову ладонь, произнесла каким-то удивительно задушевым тоном: – Спасибо, сэр, за ваш вопрос. Честно говоря, пока я поднималась по лестнице, меня просто трясло. А вы помогли мне прийти в себя. – Тут она повернулась к честной компании и с озорной улыбкой обратилась ко всем сразу: – Мальчишки, не подскажите, где кабинет главного?

Улыбка, игравшая на ее лице, высветила в нем что-то... нет, не столько даже красоту, сколько внутреннюю аристократичность, что ли? Поэтому ей тут же охотно ответили:

– Да прямо по коридору, четвертая дверь по левой стороне.

Девушка изящно склонила головку, произнесла:

– Спасибо, – и, ловко крутанувшись на каблуках, двинулась в указанном направлении, оставив за спиной теплый мужской коллектив, глупо улыбающийся непонятно чему...

До квартиры она добралась только в десятом часу вечера. В дверь пришлось трезвонить почти минуту. Когда она наконец распахнулась, на пороге предстала черноволосая, в новеньком фартуке и с вздытыми вверх руками, измазанными жиром.

– Ну, наконец-то явилась.

Рыжая окинула ее удивленным взглядом:

– Чем это ты занимаешься?

Та усмехнулась и залихватски мотнула головой.

– Давай, заходи, нечего на пороге стоять.

А когда дверь за спиной рыжей захлопнулась, пробурчала:

– Я тут уже три часа торчу у плиты, а она развлекается.

– У плиты, ты?!

Черноволосая рассмеялась:

– А что? Я когда-то кормила своей стряпней самого Людовика XV. И смею тебя заверить, он остался доволен.

Рыжая подхватила смех подруги:

– По-моему, он остался доволен кое-чем другим. Впрочем, я совершенно не собираюсь критиковать твою стряпню. Во всяком случае, до тех пор, пока ее не попробую.

Все еще смеясь, рыжая исчезла в ванной.

Через пять минут она вошла в комнату:

– О господи, откуда это?

Черноволосая довольно улыбнулась:

– Ну, утку я купила сегодня на рынке, а пару бутылок бургундского прихватила с собой еще из замка. Надо же нам отметить успешное начало нашей трудовой деятельности?

Рыжая состроила горестную мину:

– Да-а, только такая роскошь двум бедным русским женщинам совсем не по карману.

Черноволосая рассмеялась:

– Завтра, все завтра. Завтра мы станем двумя бедными русскими женщинами, считающими каждую копейку, а сегодня – прощальная гастроль. Кстати, как прошел твой бенефис?

– Прекрасно. Перед тобой – оператор компьютерного набора газеты «Голос России».

На этот раз черноволосая хохотала не менее минуты:

– Да-а-а, сумасшедший рост. Ну и как вы чувствуете себя на столь высоком посту?

Рыжая изобразила задумчивость:

– Возможно, это не столь впечатляюще, как вице-президент европейского отделения «Компако», но... мы, женщины, любим перемены. А кстати, как твои дела?

Черноволосая, уже приступившая к разделке утки, усмехнулась:

– О, я устроилась, прямо скажем, получше. Поздравь себя, ты сидишь со старшим письмоводителем канцелярии областного сберегательного банка. Кстати, я едва не, как это... облажалась. Оказывается, в моем родном городке лет десять назад случилось ужасное землетрясение. Слава богу, у меня был кое-какой личный опыт, ну еще с Порт-Рояля, ты помнишь. К тому же мне удалось убедить ту милую женщину, которая со мной беседовала, что мне больно вспоминать об этом. – Она с удивлением посмотрела на подругу. – Ты знаешь, русские, оказывается, ужасно сентиментальны. Честно говоря, мне удалось немного сыграть на ее материнских чувствах, а то вряд ли бы я получила должность в таком хлебном учреждении. Представь, разница в оплате за одну и ту же работу в различных фирмах и учреждениях здесь может составлять десятки раз! Дикая страна.

Рыжая, неторопливо откупоривая бутылку, задумчиво покачала головой:

– А знаешь, мне нравится. Ребята сегодня устроили небольшой праздник. В честь моего приема на работу. Здесь это называется «прописаться». Причем мы не пошли ни в какой ресторанчик, как это принято у нас, а устроили посиделки прямо в кабинете – накрыли стол газетами, нарезали колбасу, сыр, овощи, ребята принесли этот убойный русский напиток – водку... Роджер, ну он фотограф и местный мачо, рассказывал анекдоты и вообще пушил хвост, Толик, замглавного, играл на гитаре и пел какие-то удивительные песни... Они называют их бардовскими... Все было так трогательно...

Черноволосая фыркнула:

– Я бы сказала убого.

Рыжая вздохнула:

– Да убого, но все равно в этом есть какой-то шарм.

Черноволосая тряхнула волосами и протянула свой фужер.

– Ладно, кончай умиляться. На сегодняшний вечер у нас совершенно другая программа. Ну-ка, налей... Ну, милая, за то, чтобы Мойзелю, чтоб ему вспучило живот, удалось-таки его безумное предприятие.

Рыжая приподняла свой бокал и, уже почти коснувшись им фужера подруги, не удержалась и поправила:

– Я тебе уже говорила, что теперь его зовут Дмитрий Иванович. – Она запнулась, потом с усмешкой закончила: – Судя по всему, это имя теперь останется с ним навсегда.

Она даже не подозревала, насколько была права.

3

Игорь Игоревич Костин услышал это объявление случайно. В тот день он с утра забежал во вторую поликлинику на рентген (в главке как раз затеяли ежегодный медосмотр) и потому ехал на работу гораздо позже обычного. Народу было немного, да и сон уже как-то слетел, а «МК» у знакомой лоточницы уже разобрали, так что все сложилось одно к одному. И когда под полукруглыми сводами, под которыми эскалаторы медленно несли вниз и вверх вереницы людей, прозвучал равнодушно-манерный голос, каким всегда произносятся рекламные объявления, он невольно прислушался. Более или менее осмысленно Костин успел услышать только последнюю треть сообщения. Но оно почему-то запомнилось. Вообще-то, подобные рекламные агитки, как правило, наполнены словами-ключами. В зависимости от того, на какие группы людей подобная агитка рассчитана. «Дешевле только даром!», «Скидки до 40 процентов!» – это для одних, «Европейский уровень!», «Прямые поставки из Германии!» – это для тех, кого цены уже не очень-то волнуют, «Свобода слова!», «Величие России!», «Завоевания демократии!», «Особый путь!» – это для тех, кто тронулся на политике. Самого себя Костин совершенно не относил к этой группе, но объявление почему-то гвоздем застряло в памяти. Может быть, как раз потому, что вот таких набивших оскомину слов-ключей в нем практически не было. Наоборот, оно было составлено обычным человеческим языком. Во всяком случае, эта простота и незатейливость на фоне рублено-манерных фраз остальных агиток просто царапала ухо.

День прошел ожидаемо скучно. Когда-то, когда их информационно-аналитический отдел только организовывали, генерал-лейтенант Субботин, который и был одним из основных инициаторов его создания, своим звериным ментовским чутьем уловив открывающиеся перспективы, возлагал на него большие надежды. Но Субботина, старого милиционера еще сталинской заправки, на дух не переносившего никого из этих самых «новых русских», быстро ушли, в приказе было сказано: «по предельному возрасту», но всем было понятно, что скорее за излишнее служебное рвение. Да и то, слава богу, что на пенсию, а не совсем. В те времена стреляли и взрывали всех кого не лень – и бандитов, и банкиров, и чиновников. А у тех, кто за последующие годы пытался обжить кабинет старого зубра, кишка явно была тонковата. Так что отдел, который должен был стать настоящим мозговым штабом всего главка, постепенно превратился в некую разновидность библиотечных архивов. Информация, стекавшаяся сюда со всех концов огромной страны, здесь архивировалась, разносилась по базам данных и благополучно успокаивалась в этих самых базах данных закрытого доступа. И Костин, когда-то пришедший в отдел с отчаянным желанием остановить наконец-то волну преступности, захлестнувшую страну, постепенно остыл и превратился в обыкновенного клерка, правда, с полковничьими погонами.

Вечером он сидел у телевизора и пил чай. Жена, как обычно, болтала с кем-то по телефону, но сей факт давно уже не вызывал у полковника бывшего раздражения. По первому каналу шла очередная передача из серии «ответь на вопрос и получишь денег», каковые Костина давно уже не трогали, а в голове все вертелось то рекламное объявление из метро. Дословно он его уже не помнил, но мысли... Если у вас есть идеи, как помочь России, – приходите к нам. Не думайте о том, что они, может быть, сумасшедшие или потребуют больших затрат, не опасайтесь того, что повторитесь, – приходите. Мы не обещаем, что обязательно поможем вам воплотить ваши идеи в жизнь, но мы обещаем, что здесь вас как минимум выслушают. Вообще-то подобные заявления, как правило, приводят к тому, что нормальные люди просто удивленно пожимают плечами и выкидывают их из головы, а вот всякие изобретатели вечных двигателей, разработчики планов преобразования природы и борцы с сионскими мудрецами прут по указанному адресу стройными могучими колоннами. Но вот отчего-то у него, всегда считавшего себя человеком с критическим складом ума, это объявление никак не шло из головы. Да и

телефончик намертво впечатался в память. Настолько, что, когда супруга закончила очередной разговор и на несколько минут удалилась на кухню, Игорь Игоревич поднялся и, подойдя к телефону, снял трубку. Когда в трубке прозвучал длинный гудок, Костин на мгновение заколебался, но затем решительно стиснул зубы и быстро набрал семь цифр.

К его удивлению, спустя буквально два гудка в трубке что-то щелкнуло и приятный женский голос сказал:

– Добрый вечер. Это «Фонд Рюрика». Я вас слушаю.

Игорь Игоревич замер. В тот момент, когда он набрал последнюю цифру, до него внезапно дошло, что он решился на звонок единственно потому, что был почти уверен, что в такой поздний час в этой странной конторе никого нет и быть не может. И вот пожалуйста, ему ответили... На мгновение появилось нестерпимое желание бросить трубку на рычаг, но он поборол в себе этот приступ инфантилизма и, облизнув внезапно пересохшие губы, заговорил:

– Извините, я сегодня услышал объявление в метро и... – Игорь Игоревич запнулся, не в силах объяснить, почему позвонил, потому что ничего внятного в голову не приходило.

– Не беспокойтесь, мы понимаем, что вы волнуетесь. Вы ограничитесь телефонным звонком или предполагаете посетить нас лично?

– Я еще не решил.

– Что ж, спасибо за звонок. Надеюсь, вы скоро примете решение.

В этих словах Костину почудился намек на прощание, и он внезапно испугался:

– Нет, я уже решил. Я хочу приехать к вам... завтра. Когда можно это сделать?

– Обычно наша приемная работает с девяти до двадцати двух. Вас устроит это время?

– Д-да...

– Прекрасно, и еще одно. Извините, но, как правило, у нас все проходят через общую очередь. А это может занять не один день. Однако иногда мы делаем исключение. Если изложенная идея того стоит. Вы не могли бы хотя бы в общих чертах сообщить, о чем вы хотите говорить?

Костин почувствовал себя полным идиотом. Ну что такого он мог предложить? То есть он, естественно, мог много чего предложить, но... большую часть того, что он мог бы рассказать, составляли сведения, закрытые грифом «совершенно секретно». Игорь Игоревич вздохнул:

– Вы знаете, прошу прощения за звонок, но...

Тут его перебили.

– Вам нечего предложить?

– Нет, но я боюсь, что не смогу быть достаточно откровенным. А без этого все мои предложения...

– То есть вы предполагаете, что мы не заслуживаем доверия? Зачем же вы позвонили?

Игорь Игоревич раздраженно насупился:

– Послушайте, откуда я знаю, заслуживаете вы доверия или нет, я же совершенно не знаю, кто вы и что вы.

– Но ведь это решать вам. Почему же вы отказываетесь от этого своего права? Ведь вы позвонили нам потому, что вас что-то гнетет в этой жизни. И для того, чтобы избавиться от этой тяжести, вам нужен хотя бы собеседник, а лучше всего и единомышленники. Почему бы вам не поискать их у нас?

Костин усмехнулся. Вот уж не ожидал, что его начнут уговаривать. Он-то считал, что сотрудники этого фонда должны были уже осатанеть от прорвы желающих порадеть за Россию на чужой счет.

– Хорошо, завтра я приеду.

– Вы запомнили адрес?

– Да.

– Тогда до свидания.

На следующий день у Игоря Игоревича все валилось из рук. Он чувствовал себя полным идиотом, вроде того из известного анекдота про мужика и джинна, в котором джинн, с серьезным видом зафиксировав все пожелания мужика о вилле, «мерседесе» и счете в швейцарском банке, в конце укоризненно качает головой и говорит мужику: «Ай-яй-яй, такой большой, а все в сказки веришь». К концу рабочего дня он окончательно убедил себя, что этот странный Фонд – всего лишь очередная контора по вытягиванию денег из доверчивых граждан. И единственное, что заставило его после работы все-таки пересесть на нужную ветку метро, это твердо данное себе обещание – сразу после посещения этого пресловутого Фонда перезвонить приятелю из местного РОВД и попросить его заняться этими ловкачами. Так что как бы выходило, что он просто оказывает приятелю услугу. Подобные учреждения частенько располагались у черта на куличках, так что их надо было еще суметь разыскать. Костин успел с тоской подумать, что, пока он будет лазать по подворотням и подвалам, его ботинкам наверняка придет конец, но тут объявили нужную станцию.

От метро до Крымской он добрался на автобусе. К его изумлению, Фонд располагался в отдельно стоящем особняке, рядом с которым была оборудована автостоянка. Автобусная остановка с новеньким кирпичным павильоном размерами с добрый терем, архитектурный стиль которого чем-то напоминал Исторический музей, находилась прямо напротив особняка. Костин вылез из автобуса и растерянно огляделся – поблизости не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на пешеходный переход. Но тощий ручеек пассажиров решительно направился в сторону кирпичного павильона. Как оказалось, подземный пешеходный переход начинался прямо от автобусной остановки. Костин помог спуститься какой-то бабульке, которая всю дорогу шамкала:

– Спасибо... добрые люди... вот переход сделали... как хорошо таперя... а раньше-то... спасибо милоч... нешто можно было идтить-то... остановка ажно у самого ниверсама-то была... ить туды пока дойдешь... ой, спасибо, милоч...

Вынырнув из подземного перехода на противоположной стороне улицы, Костин невольно остановился. Фонд разместился с размахом. С той стороны это было не особо заметно, там вид закрывали высокие шпалеры кустов, а здесь... Особняк стоял посередине сквера, занимавшего целый гектар и спланированного просто идеально. По скверу были разбросаны изящные чугунные колонны, увенчанные каждая четырьмя матовыми шарами, которые заливали кусты и деревья теплым желтым светом. Кроме того, кроны деревьев у пересечения дорожек, выложенных изящной восьмиугольной тротуарной плиткой, были окутаны мерцающей вуалью мелких искорок. Костин уже встречал такое освещение на центральных улицах, но здесь, на убогой рабочей окраине?! Да и вообще, откуда здесь взялся этот ухоженный скверик? У него в памяти вдруг всплыло, как он проезжал по этой улице несколько лет назад. Здесь не было ничего подобного. Сплошные унылые складские заборы и какие-то полуразрушенные постройки непонятного назначения. Игорь Игоревич пригляделся: ну точно, метрах в сорока севернее темнели сумрачные громады складских боксов, а еще чуть дальше поблескивали рельсы ведущей к ним железнодорожной ветки, но заборы исчезли...

– Извините, вы собираетесь посетить Фонд?

Костин резко обернулся. Рядом с ним стояли два милиционера – старший сержант и рядовой – и спокойно смотрели на него, ожидая ответа.

– Э-э-э, да.

Старший сержант улыбнулся и указал рукой на ярко освещенный стеклянный павильон, соединенный с особняком коротким переходом.

– Тогда вам сюда.

Игорь Игоревич посмотрел на милиционеров с удивлением. Ребята как будто пришли из другого мира – отутюженные куртки, ярко начищенные кокарда, бляха и пряжка ремня, пер-

чатки, лаково блестящие ботинки, каракулевые ушанки и воротники курток. Таких милиционеров он встречал только на территории Кремля, да и те выглядели как бы не попроще. И еще эта вежливая улыбка на лице... Он склонил голову в коротком благодарном поклоне.

– Благодарю вас. – Поворачиваясь, чтобы направиться в указанном направлении, Костин еще успел заметить, что ребята весело переглянулись. Похоже, оторопь, охватывавшая терпевшихся к нынешним реальностям случайных прохожих при встрече с лощеными и вежливыми милиционерами, добавляла изюминку в несколько скучноватую службу этих ребят. И им это нравилось. Впрочем, долго раздумывать Игорю Игоревичу не пришлось, поскольку он уже подошел к высокой двустворчатой двери и, на мгновение задержавшись на пороге, глубоким вдохом последний раз втянул в легкие свежий уличный воздух, наполненный горьковатым запахом просыпающихся после зимней спячки деревьев, а затем решительно толкнул створку и шагнул внутрь.

В павильоне располагалась гардеробная. В отличие от всех других гардеробных, в этой гардеробщице оказалась не только не занята приятным разговором с подругой или изучением прессы, а, наоборот, встретила его вежливой улыбкой. Когда Костин по старой привычке начал запихивать шапку в рукав, девушка мягко остановила его:

– Не беспокойтесь, у нас над каждой секцией специальная полка для головного убора.

Слегка ошалевший от прямо-таки захлестнувшего его потока дружелюбия, Игорь Игоревич получил небольшой изящный номерок и прошествовал дальше. Когда он надавил на удобную изящную ручку из желтого металла и толкнул тяжелую, но мягко распахнувшуюся дверь, то невольно замер. Весь первый этаж занимал огромный холл, по которому в продуманном беспорядке были расставлены кадки с зелеными насаждениями и удобные кожаные диванчики, рядом с которыми стояли легкие стеклянные столики с разложенными на них газетами и журналами. Вдоль левой стены стояло несколько тумб, увенчанных прозрачными канистрами с питьевой водой, а рядом высились колонны из пластиковых стаканчиков. Людей, к его удивлению, было не так уж много – человек двадцать – двадцать пять.

– Добрый вечер, чем я могу вам помочь?

Костин дернулся. Черт возьми, ну что у них за дурацкая манера неслышно подкрадываться из-за спины! Он резко обернулся... и почувствовал, что при взгляде на приветливо улыбающуюся ему девушку раздражение, охватившее его, быстро испаряется.

– Извините, я у вас в первый раз и...

– Ничего, я понимаю, вам следует подойти к регистрационной стойке. Там вам помогут.

– А где... ах извините...

Белоснежная дуга стойки терялась за стеной зеленых веток. Костин благодарно кивнул и двинулся в неблизкий путь по зеленым зарослям.

Подойдя к стойке, Игорь Игоревич наткнулся на целую шеренгу белозубых улыбок. Он даже несколько засмутился. Уж больно много времени прошло с тех пор, когда молодые девушки встречали его так радушно. Поэтому он остановился у первой попавшейся секции и несколько суетливо поздоровался.

– Добрый вечер, я вчера вам звонил, и мне сказали, что можно прийти... – Игорь Игоревич запнулся, не зная, как объяснить – за каким, собственно, чертом ему понадобилось сюда переться, но девушка тут же пришла ему на помощь:

– Да-да, конечно, можно мне узнать ваше имя?

– Имя?

Девушка вновь улыбнулась:

– Не беспокойтесь. Если у вас нет желания представляться, то можете этого не делать.

– Да нет, отчего ж. Моя фамилия Костин.

Девушка благодарно кивнула и молниеносно набрала что-то на компьютере. Просто вроде как провела рукой над клавиатурой, и только пулеметный шорох клавиш сообщил, что на самом деле на клавиатуре было что-то набрано. Игорь Игоревич даже восхитился вслух:

– Эх вы, однако!

Девушка улыбнулась:

– Это входит в наши обязанности. Сейчас основной поток схлынул, а не так давно нам приходилось обслуживать по сорок человек за час... – По-видимому, на экране повернутого к девушке монитора возникла какая-то информация, потому что она прервалась на полуслове и продолжила уже более деловым тоном: – Игорь Игоревич?

– Д-да. – Костин растерянно кивнул.

– Вас ждут, – сказала девушка.

– Как? Мне сказали, что придется ждать несколько дней.

– Да, обычно так и бывает, но вам зарезервировано время сегодня.

– Мне?!

У Костина засосало под ложечкой. Кто мог ему что-то зарезервировать в этом Фонде, если он сам узнал о его существовании только вчера утром? Все его профессиональные навыки и инстинкты вздыбились и приняли боевое положение.

– Позвольте, это какая-то ошибка...

На лице девушка появилась успокаивающая улыбка.

– Вряд ли, но не беспокойтесь, если вы сегодня чувствуете себя неготовым к собеседованию, я просто отменю резервирование. Скажите, когда вам будет удобно, и я зарезервирую время на тот день.

– Да нет уж, – сердито буркнул Костин, – не надо никаких резервирований.

Девушка качнула головой:

– Что ж, это ваше право.

– То есть? – вскинулся Игорь Игоревич.

Девушка пожала плечами:

– Извините, мне показалось, что вы решили вообще отказаться от собеседования.

Что-то такое было в ее тоне, что-то, что заставило Костина упрямо стиснуть зубы и, после секундной задержки, решительно заявить:

– Ладно, с кем я там должен беседовать?

Девушка отреагировала мгновенно:

– Лифты слева. На втором этаже вас встретят...

Когда двери роскошного, в зеркалах и деревянных панелях, лифта с мягким шорохом разошлись в стороны, перед Костиным предстал небольшой холл, застеленный настоящим ковром, а не столь популярным в последнее время ковролиновым покрытием. В обоих углах холла находились арки, за которыми начинались два широких коридора.

На этот раз никто не стал подкрадываться со спины. Прямо посередине ковра стоял высокий молодой человек в строгом костюме простого классического покроя, при взгляде на который, однако, любому более или менее тертому человеку сразу становилось все понятно. Эта простота стоила под пять костинских годовых зарплат.

– Игорь Игоревич? – Вопрос был задан таким тоном, что воспринимался скорее как утверждение. – Прошу. – И молодой человек первым двинулся по левому коридору...

Они прошли до самого конца и уперлись в солидную двустворчатую дверь, ширина и высота которой вполне позволяли провести через нее лошадь. Молодой человек отворил дверь и, придерживая тяжелую створку, сделал приглашающий жест рукой. Костин вошел.

– Прошу вас, садитесь.

В общем-то обстановка кабинета произвела на Игоря Игоревича впечатление, но после всего увиденного он был уже подготовлен к подобной неброской роскоши, так что отреаги-

ровал вполне достойно. Заняв предложенное кресло, Костин откинулся на мягкую кожаную спинку и повернул голову в сторону входа. Его терзало любопытство. Судя по кабинету, с ним захотел встретиться кто-то из верхушки. Он покосился на молодого человека, который отошел к бару у дальней стены и склонился над... большим, пузатым самоваром, а затем вновь перевел взгляд на дверь. Что-то ожидание затягивается...

– Прошу, Игорь Игоревич.

Вот черт, его юный сопровождающий не упустил случая и сработал-таки в общей манере местного персонала.

– Мне кажется, вы любите именно такой, с мятой и зверобоем.

Костин дернулся. Ну это уже слишком, откуда они могли узнать о его чайных пристрастиях? Он сердито нахмурился:

– Послушайте, молодой человек. Чай я могу попить и дома. Вы не могли бы поторопить ваших начальников. Мне бы хотелось побыстрее начать это ваше собеседование.

Его собеседник улыбнулся:

– Не беспокойтесь, наше собеседование уже началось. А что касается начальников, то самый главный из них сейчас перед вами. – Он несколько старомодно поклонился, что в исполнении столь молодого человека выглядело немного забавно, но в то же время очень мило.

– Вы?!

Юноша вежливо кивнул:

– Разрешите представиться. Президент «Фонда Рюрика» – Дмитрий Иванович Ярославичев. – Молодой человек мгновение помолчал. – Я вас прекрасно понимаю. Но, посудите сами, если бы я не обладал достаточной компетентностью, то вряд ли мне доверили бы столь значительный пост.

Костин хмыкнул. Что ж, звучит разумно. Ну раз так, молодой человек, тогда не обижайтесь. Он вонзил в собеседника жесткий взгляд:

– Откуда вы обо мне узнали?

– Ну, это просто. Наши телефоны оборудованы определителями номера, а остальное было делом техники. У нас хорошие базы данных.

Игорь Игоревич скривил губы. Шалишь, не обманешь...

– И о моем любимом чае?

– А об этом мне рассказал Николай Алексеевич. Мы с ним встречаемся время от времени. Ведь, как у вас говорят, на его «земле» сидим. Он о вас не раз упоминал. Так что когда мне стало известно, что вы собираетесь нас посетить, я ему специально перезвонил.

Костин удивленно поджал губы. Николай как раз и был тем самым приятелем, которого он собирался озадачить по поводу этой конторы.

– Хм. Ну ладно. Так что вам от меня нужно?

– Нам?

Удивление на лице собеседника выглядело совершенно искренним.

– Мне представлялось, что это вы пришли к нам за помощью. – Молодой человек многозначительно посмотрел на Игоря Игоревича своими проницательными глазами и твердо заключил: – И мы готовы вам ее предоставить.

– То есть?

Молодой человек ответил не сразу, а когда он заговорил, голос его звучал негромко и ровно.

– Поймите, мы совершенно не собираемся толкать вас на должностное преступление. Да и имеющаяся в вашем распоряжении информация, по большому счету, нам не очень нужна. О нет, мы осознаем ее уникальность и степень достоверности. Но... у нас несколько иные цели и задачи. И дай нам бог справиться с ними. Так что самое лучшее, что мы можем сделать для вас и... для России, – это дать вам в руки инструмент, который позволит работать вам.

Костин нахмурился:

– Я что-то не понял. Вы мне что, снайперскую винтовку предлагаете, как тому деду из «Ворошиловского стрелка»?

Юный президент усмехнулся:

– О нет, вам мы предлагаем гораздо более серьезное оружие.

– И что же?

– Я предлагаю вам заняться накоплением доказательной базы.

– То есть?

Молодой человек откинулся на спинку кресла и отхлебнул глоток из своей чашки, затем поставил ее на стол:

– Понимаете, та оперативная информация, которая поступает к вам в отдел, при всей ее уникальности в доказательном плане стоит чрезвычайно мало. В то же время она, в силу своей всеобъемлемости, позволяет выявить такие скрытые связи, которые исполнители на местах заметить просто не в состоянии. Наш Фонд предлагает вам финансирование для реализации проекта, направленного на создание доказательной базы по всем наиболее существенным криминальным ситуациям, которые привлекут ваше внимание. Заметьте, именно ваше. И вы должны будете создать возможность сохранения или достоверного копирования всех материалов, которые впоследствии могут быть использованы в суде, – показания свидетелей, подлинники и копии документов, видеозаписи и тому подобное, даже если официальное расследование этих случаев по тем или иным причинам было прекращено.

– А зачем?

Его собеседник опять улыбнулся.

– Как нам кажется, в России грядут серьезные перемены. И скоро то, что сейчас представляется нам невозможным, станет вполне реальным. Например, власть закона, невзирая на лица, ранги и связи.

Костин хмыкнул:

– Да вы – мечтатель.

– Возможно. Но если такое произойдет, не хотелось бы кусать локти, сожалея о том, что могло быть сделано, но...

Они помолчали. Наконец Костин, собравшись с духом, спросил:

– И какие суммы вы предполагаете выделить под это дело?

– Любые.

– То есть? Миллион долларов?

Дмитрий Иванович снова улыбнулся:

– Возможно, существенно больше.

Костин на мгновение замер, а потом зло рассмеялся:

– И какова будет Иудина доля?

Молодой человек рассмеялся в ответ, тоже недобро:

– Вы опять меня не поняли. Нам не нужны никакие ваши отчеты. Мы совершенно не собираемся контролировать, как и куда вы потратите эти деньги. Мы даем вам *возможность действовать*. А как вы ею распорядитесь – решать исключительно вам.

Костин удивленно воззрился на собеседника:

– То есть? Вы даете мне деньги, а как я их потрачу – вас совершенно не волнует? А если я, скажем, сбегу куда-нибудь на Багамы?

Дмитрий Иванович хмыкнул:

– Ну это вряд ли. Даже квартиру вы себе новую не справите. Я редко ошибаюсь в людях. Ведь у вас, как это поется, тоскуют руки по штурвалу. Вы, как и любой истинный мент, по натуре охотник, причем вы – на крупную дичь. А разве может настоящий охотник увлечься подбором нового шикарного костюмчика или разглядыванием «Плейбоя», если ему в руки

попал целевой штуцер с полным комплектом патронов, а в окрестностях бродит тигр, пожирающий людей?..

Когда Костин покинул особняк, стояла уже глубокая ночь. В голове шумело, а сердце прыгало как после пяти партий в баскетбол. Черт, ну что за ошеломительный вечер? На опустевшей стоянке мягко урчала мотором одинокая «волга». Костин покосился на нее и, зажав поплотнее под мышкой новенькую коричневую папку, двинулся к подземному переходу. В папке в одинаковых аккуратненьких пачках лежало пятьдесят тысяч долларов. На первое время хватит, а там посмотрим...

4

Двое сидели у камина, вытянув к нему ноги, и смотрели на скачущие языки пламени. Свет в комнате был потушен, на лицах сидящих играли огненные блики. Может быть, из-за этого человек, взглянув на них мельком, подумал бы, что они – ровесники или что-то около того. Но присмотрись он повнимательнее, сам бы удивился, почему это ему в голову пришла такая мысль. Потому что один из сидевших у камина явно был очень молод, а голова второго была увенчана шапкой совершенно седых волос с двумя легкими залысинами над мощным лбом. Кроме того, лицо второго было сильно изрезано морщинами, а рука, державшая бокал с рубиновым вином, была старчески суха. Нет, второй был явно старше, причем намного старше первого. Впрочем, если отвести глаза, а потом снова бросить быстрый взгляд на сидящих у камина... Где она, истина? Недаром, по древним поверьям, живой огонь разрушает наваждения...

– Значит, на тридцать первое у нас в европейском листе только около двадцати миллиардов?

Тон, каким это было сказано, звучал несколько странно в устах такого молодого на вид человека, когда он обращается к старшему по возрасту. Он скорее был бы естествен при разговоре людей одного возраста, притом давно знакомых, да и то если бы человек, задавший вопрос, был по отношению к собеседнику лицом руководящим. Но, похоже, этот тон никак не задел второго собеседника. Он просто не обратил на него никакого внимания, как если бы считал подобный тон не только допустимым, но и вполне приемлемым. Более того, когда он начал отвечать, некоторые обертоны в его негромком, хриплом голосе позволили бы внимательному слушателю сделать вывод, что он полностью признает главенство своего юного собеседника. Впрочем, никаких зрителей и слушателей рядом не наблюдалось. Во всем немаленьком кабинете находились только эти двое.

– Пока да. Сам понимаешь, для того чтобы конвертировать активы, требуется время. Слишком крупные выбросы не только обрушат цены, но и привлекут излишнее внимание. – Старый запнулся, потом осторожно произнес: – А может, слегка притормозить процесс? Я избавился от наиболее рискованных пакетов. Сейчас подошла очередь «голубых фишек». А все идет к тому, что они вот-вот начнут сильно подниматься. Евро явно будет расти...

– Нет. – Тон молодого был несколько резковат. – Я понимаю, что ты имеешь в виду. У нас пока действительно наметилась некоторая экономия. Но через несколько месяцев мы переходим к следующему этапу, а там ситуация гораздо менее предсказуема. К тому же проект развивается несколько быстрее, так что, возможно, университет придется создавать на год-два раньше, чем я планировал. А это значит, что ты должен готовиться к тому, что и американские и азиатские активы придется выводить намного раньше.

Старый вздохнул:

– Я понимаю, но... жаль.

Они немного помолчали. Молодой пригубил бокал и поставил его на сервировочный столик, втиснутый между креслами.

– Да, и еще хорошо бы форсировать скупку государственных долгов. Я думаю, в течение ближайших двух-трех лет их стоимость подскочит почти до номинала. Сколько у нас уже есть?

– По частным и несвязанным кредитам почти двадцать семь миллиардов, а с госкредитами сложнее... к тому же цены уже ползут вверх. Еще не номинал, но...

Они снова помолчали. Старый, одним глотком допив вино и тоже поставив стакан на столик, повернулся к молодому и поймал его взгляд.

– Знаешь, мне страшно... – На этот раз в его голосе звучало беспокойство, и уже никто бы не сказал, что это подчиненный обращается к вышестоящему.

– Чего?

– Что будет, когда они узнают?..

Молодой в упор посмотрел на собеседника:

– Ты же знаешь, у нас нет другого выхода. Или ты не согласен с выводами моего меморандума?

– Да нет... впрочем, кое с чем не согласен, но это не важно. Если бы я считал это бредом, я никогда не согласился бы участвовать во всем этом... но мы столько времени были сами по себе, а после того как они узнают... Нам надо успеть стать очень сильными... – Он оборвал сам себя и откинул голову на спинку кресла. В комнате вновь воцарилась тишина. Молодой протянул руку и положил ладонь на сухую кисть старого.

– Не беспокойся. Я сам удивляюсь, как удачен был выбор. Просто поразительно. Если бы я писал меморандум сейчас, я бы даже не стал рассматривать другие варианты. Россия – просто идеальный вариант. А люди... Черт возьми, я предполагал, что народ, остановивший столько потрясателей Вселенной и покорителей Европы, просто не может иметь такого низкого базисного коэффициента, какой получался в наших расчетах, но я даже не предполагал, насколько он занижен.

Старый, встрепенувшись, изумленно уставился на собеседника:

– То есть? Что значит низкий базисный коэффициент?

Молодой улыбнулся:

– По нашим расчетам, его величина не превышала 0,67.

Старый несколько мгновений смотрел на него недоверчиво, потом длинно выругался по-испански. Молодой покачал головой:

– Брось. Это означает только то, что наша методика устарела.

Старый поджал губы:

– До сих пор она срабатывала идеально.

Молодой взмахнул рукой:

– Ты не прав. Вспомни Вьетнам.

– Это исключение.

– Теперь я уверен, что нет. К тому же что спорить. – Он встал и подошел к стене, на которой висела большая, два на три метра, политико-административная карта мира. – Взгляни-ка. Достаточно бросить всего один взгляд – и все станет ясно.

Старый насупился:

– Это не показатель.

Молодой покачал головой:

– Ты не прав. Возможно, это не самый важный показатель и уж конечно далеко не единственный, но это – несомненно показатель. С которым ни ты, ни я и никто другой ничего не могут поделать.

Старый скривил губы:

– Подумаешь, были времена, когда над Британской империей тоже никогда не заходило солнце.

Молодой кивнул:

– Да, когда-то именно она была самым большим государством мира, и в то время Британия, без всякого сомнения, была и самым сильным государством Земли. Несмотря на временные затруднения вроде отколовшихся североамериканских колоний или деятельности Наполеона Бонапарта. А здесь даже популяционный ресурс превышает ресурс британской расы почти в два с половиной раза. Причем качество этого ресурса очень высоко.

Старый хмыкнул:

– Тебе так нравятся русские пьяницы?

Молодой усмехнулся в ответ:

– И они тоже. Но главное не это. Просто подумай. На Земле наберется всего лишь три, от силы пять государств, обладающих потенциалом объединения планеты, – кроме России, скажем, США, Китай, и нечто подобное можно сделать из объединенной Европы. Причем объединенной не так, как сейчас, а реально. И самым большим потенциалом в этой области обладает именно Россия. И именно сейчас, когда мы наконец имеем технологию Изменения, она находится в точке перелома, предоставляющей нам просто уникальные возможности. Просто уникальные... Ни в одной другой из перечисленных стран мы не смогли бы даже приблизиться к тому уровню контроля над ходом вещей, который здесь, в России, не просто выглядит теоретически достижимым, но прямо-таки буквально мистическим образом ложится на всю внутреннюю ситуацию. Причем сейчас эта страна находится в таком дерьме, что никто даже не сможет предположить, насколько серьезно будет все происходящее.

Старый долго и пристально смотрел на молодого, потом протянул:

– Ты решил... империю?

Молодой кивнул:

– Ты знаешь, мы бы все равно к этому пришли, просто понадобилось бы гораздо больше времени. Человечество созрело для экспансионистского рывка туда, – он вскинул глаза к потолку, – а только империя может обеспечить максимальные экспансионистские возможности. Недаром подавляющее большинство фантастов сходится на том, что на пути к звездам человечеству никуда не деться от имперского периода.

Старый поморщился. Он был слишком большим реалистом, чтобы обращать внимание на литературу такого рода.

– Что ж, ни у кого из нас нет такого опыта организации и управления крупными социумами, как у тебя. К тому же последний раз ты крупно вмешивался столетий, этак, двенадцать назад. Поэтому если ты говоришь, что это так, – значит, так оно и есть.

Молодой взглянул на старика с улыбкой:

– Крупно – да, а по мелочам всего чуть более пятидесяти. – Он взял со стола свой бокал, сделал глоток, задумчиво глядя перед собой, потом сказал: – В восемнадцатом мне отчего-то стало казаться, что та бойня с аэропланами, газами и подводными лодками так сильно напугала мир, что ничего подобного больше не должно повториться. Но спустя всего двадцать лет это началось по новой. А сейчас, после разрушения того, что удалось сделать после сорок пятого, все идет к тому, что лет через тридцать-сорок мы окажемся на грани действительно последней войны.

– Если ты не вмешаешься?

Молодой усмехнулся:

– Я надеюсь, что в результате моих усилий последняя война разразится лет через двадцать-двадцать пять, но она будет последней несколько в ином, скорее порядковом, чем окончательном смысле.

Старый замер:

– Ты не писал ничего о войне в своем меморандуме.

Молодой утвердительно кивнул:

– Ты прав. И я очень не хочу, чтобы она произошла, но не все и не всегда происходит в соответствии с нашими желаниями. – Он повернулся к старому и, дружески подмигнув ему, положил руку ему на плечо. – Ладно, не бери в голову. Возможно, за эти двадцать пять лет удастся придумать что-то более эффективное. Я же тебе сказал, что наша методика устарела.

Старый несколько мгновений сидел, не отводя пристального взгляда от собеседника, потом отвернулся и тяжело вздохнул.

– Ладно. Понятно. Если ты прав, то деньги надо тратить, пока они чего-нибудь стоят.

– Вот именно. – Молодой рассмеялся. – А то ты что-то слишком привязался к этим странным никчемным бумажкам. Или уже забыл времена, когда тебе приходилось таскать на поясе стоун-другой золота?

Старый еще несколько секунд сохранял на лице озабоченно-угрюмое выражение, но молодой смеялся так заразительно, что губы старого невольно дрогнули и спустя мгновение он уже смеялся вместе со своим собеседником.

Отсмеявшись, молодой подошел к столу, на котором стоял спикерфон, и, нажав клавишу, произнес:

– Приготовьте машину через пять минут, – после чего повернулся к старому, – ну что, поедem поужинаем?

Старый с легким кряхтением поднялся из кресла:

– Здесь есть приличные рестораны?

Молодой снова улыбнулся:

– Сколько угодно, – и, ехидно прищурившись, добавил: – Похоже, предыдущая поездка оставила в твоей душе просто неизгладимые впечатления.

Старый поморщился:

– Да-а, пять лет назад мне казалось, что на этой стране можно поставить крест и скоро вместо огромной реинкарнации древнеегипетского фараонства под названием СССР останется три-четыре десятка голодных и ненавидящих друг друга осколочков. Но ты, как всегда, оказался прав. – Он покачал головой. – Черт возьми, одно время меня страшно занимало, почему это ты всегда оказываешься прав?

При этих словах он устремил на собеседника вопросительный взгляд, как будто ожидая, что тот немедленно даст ответ на этот явно риторический вопрос. Но молодой молча смотрел на него, растянув губы все в той же ехидной улыбке. Поэтому старый только хмыкнул и заключил:

– Это было очень давно. Теперь я уже этому не удивляюсь.

– А почему?

– Потому что, как оказалось, я не настолько инфантилен или дебилен, чтобы удивляться наличию атмосферы или тому, что вода мокрая. Я просто принимаю это как данность.

Молодой весело хохотнул:

– Таким образом меня еще никто не характеризовал.

В этот момент в динамике спикерфона щелкнуло и приятный женский голос произнес:

– Ваше Высочество, машина подана.

– Спасибо, Нина.

Старый удивленно вскинул брови и саркастически осклабился.

– Высочество?..

Но молодой ответил совершенно серьезно:

– Люди должны уже потихоньку начать привыкать, что на одной восьмой части земной суши существует *некто*, к кому следует обращаться Ваше Высочество.

– Только на одной восьмой?

– Пока да, – коротко ответил молодой и повторил: – Пока...

Спустя пятнадцать минут машина вылетела на широкий проспект. Старый, который все это время рассматривал проносившийся за окном расцвеченный яркими огнями ночной город, повернулся к собеседнику:

– Действительно, контраст просто разительный. Если не знать, что ты в Москве... обычный европейский мегаполис... – И все-таки не удержался, чтобы не побрюзжать: – Однако, черт возьми, мне все равно не нравится здешний климат. – Они как раз проезжали мимо куцей колонны самосвалов, вывозящих снег. – И это середина марта?!

Машина сделала крутой вираж и, резко сбросив скорость, нырнула в проулок. Еще пять минут и, бесшумно затормозив, «волга» замерла у высоких ступеней подъезда.

Старый неторопливо выбрался из салона, задрал голову, прочитал название заведения, на его лице появилась ухмылка.

– Это что, в отместку за сравнение?

Молодой, улыбаясь, отрицательно качнул головой:

– Да нет, просто надо было как-то выбирать. В сегодняшней России слишком много приличных ресторанов, чтобы выбор можно было сделать по каким-то более разумным параметрам.

– Похоже, ты влюбился в эту страну, – все с той же ухмылкой сказал старый.

– А здесь иначе нельзя, – серьезно ответил молодой. – К тому же она вполне этого заслуживает.

Они помолчали, каждый занятый своими мыслями, потом старый весело сказал, стараясь, видимо, разрядить обстановку:

– Ладно, пойдем, посмотрим, какая кухня в этом «Луксоре».

Молодой кивнул и распахнул дверь.

Когда подали десерт, молодой, легким движением пальцев обратив на себя внимание старого, едва заметным кивком указал ему на одного из официантов:

– Обрати внимание вон на того мальчика.

Старый поднял бокал и, сделав вид, что разглядывает на просвет вино, покосился на официанта:

– Ого, похоже, твой мальчик собирается слегка облегчить карман одного из твоих любимых русских пьяниц. – Он с иронией посмотрел на своего сотрапезника. – И что ты предпримешь?

Молодой молча вскинул руку, привлекая внимания того самого официанта, который только что ловко избавил от бумажника одного подвыпившего гуляку в безвкусно-роскошном костюме от Валентино и совсем не подходящем к нему галстуке от Бриони. Тот мгновенно подскочил к столу.

– Молодой человек, я как-то поиздержался с наличными, не могли бы вы оказать мне услугу?

Официант настороженно уставился на него, пытаясь скрыть нервную тревогу за слащаво-вежливой улыбкой:

– Чем я могу вам помочь?

Молодой раскрыл бумажник, изящно продемонстрировав официанту и всем, кто хотел бы это увидеть, целую пачку кредитных карточек, заполнявших одно из отделений немаленького портмоне, небрежным движением пальцев вытащил пару, да так, что старый, не зная он его так долго, дал бы голову на отсечение, что вторую он зацепил случайно, и изящным движением протянул верхнюю официанту, уронив вторую на пол под столик. Причем со стороны казалось, что он даже не заметил этой потери.

– Банкомат при входе работает?

У официанта, который заметил упавшую карточку, сверкнули глаза.

– Да-да, конечно.

– Вот, снимите со счета тысяч десять. Шифр записан на обратной стороне карточки. – Полуобернувшись к старому, он пояснил таким капризным тоном молодого сноба: – Я все время путаюсь в этих карточках. За последние полгода потерял уже штуки три. Прямо не знаю что делать.

Когда официант испарился, старый насмешливо произнес:

– И на какой результат этого спектакля ты рассчитываешь?

Молодой молча поднялся из-за стола:

– Пошли, перехватим его на выходе из зала.

Они столкнулись с официантом почти у самых дверей. Тот, увидев, что они уходят, расцвел радостной улыбкой и бросил алчный взгляд на еле различимую с такого расстояния карточку, валяющуюся на полу.

– Вот, пожалуйста, проверьте.

Молодой небрежным жестом принял деньги, отсчитал требуемую по счету сумму и, протянув ее официанту, внезапно замер, как будто приглядываясь к нему:

– Прошу простить мое любопытство, вы приезжий?

Тот сначала как будто смешался, но тут же дерзко вскинул подбородок и с вызовом произнес:

– А вам какое дело?

Молодой пожал плечами:

– Да нет, никакого. Просто мне показалось, что у вас какой-то странный акцент. Не подумайте плохого, дело в том, что я и сам приехал в Россию не так давно.

Официант повеселел:

– Да, в общем, я из Казахстана. А вы откуда приехали?

– Я? Из Германии.

Официант еле заметно вздрогнул, смущенно пробормотал: «Очень приятно» и попытался проскользнуть мимо. Но молодой, у которого оставалось в руке еще около семи тысяч рублей, задержал его и протянул деньги.

– Вот, возьмите.

Официант оторопел:

– Я?

Молодой кивнул.

– Ну да. – И он пояснил: – Мы – два русских человека, которые раньше жили за границей, а теперь вернулись домой. И я вижу, что сейчас вам тяжелее, чем мне. – Решительным движением он воткнул деньги официанту в ладонь и шагнул в дверь.

Они уже усаживались в машину, когда из дверей ресторана выбежал запыхавшийся официант. Подлетев, он распахнул дверцу и протянул кредитную карточку.

– Вот, вы потеряли.

Старый тихонько ахнул. Он был уверен, что все эти потуги пропадут даром. Человека не переделать, и все душеспасительные истории на эту тему – не более чем сочинения для воскресных школ.

Молодой медленно протянул руку и, взяв карточку, сказал:

– Спасибо.

Официант облегченно усмехнулся:

– Чего уж там, – и, резко развернувшись, двинулся к дверям. У самых дверей он остановился и, окинув скептическим взглядом типа в костюме от Валентино, уютно устроившегося на ступеньках, достал из кармана бумажник и со словами: «Вот, дядя, возьми и больше не теряй» засунул его тому за пазуху. Старый покачал головой и протянул:

– Да-а-а. Не ожидал.

Молодой улыбнулся:

– Этих людей трудно назвать добропорядочными обывателями, но у большинства из них в душе до сих пор живы понятия чести и благородства. – Он был тих и задумчив. – Возможно, именно этим и объясняется, что они смогли объединить вокруг себя столько наций и языков. И я уверен, что они еще удивят этот мир, надо только помочь им вновь обрести достоинство...

Спустя три часа небольшой частный самолет марки «фалькон», нутужно гудя турбинами, взлетел с обледенелой посадочной полосы Домодедовского аэропорта и ввинтился в ночное русское небо, развернувшись носом в сторону Европы. Старый сидел у иллюминатора с подня-

той шторкой и смотрел на море огней, уплывающее назад. Когда зарево ночного города скрылось за горизонтом, он задернул шторку, откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Пожалуй, ему начала нравиться эта страна, а климат... что ж, когда он был тралсом-черпаком на норвежском драккаре, у него никто не спрашивал, нравится ли ему климат. И ничего – выжил.

5

– Ну ладно, Роджер, я пошла. Уже поздно. Ирина, наверное, на меня сердится.

Фотограф вздохнул и наклонился вперед, пытаясь дотянуться губами до щеки, но девушка слегка дернула головой, отчего щека ее оказалась закрыта упавшей прядью рыжих волос, и насмешливо произнесла:

– Фу, Роджер, ты же уже большой мальчик. В твоём возрасте целоваться в подъезде – дурной тон.

Фотограф дернулся и, покраснев, резко отстранился:

– Саша, зачем ты надо мной издеваешься?

Рыжая кокетливо рассмеялась:

– Разве?

Качнувшись вперед, она мимолетным движением скользнула губами по его заросшей щеке и тут же, ловко вывернувшись из кольца вскинутых рук, стремительно взлетела вверх по лестнице. На середине пролета она приостановилась и, вскинув руку в прощальном жесте, бросила: «Ладно, не переживай, до завтра», после чего на оставшегося в одиночестве мужчину снова обрушился дробный стук ее каблучков, затем хлопнула дверь и все стихло. Фотограф задумчиво похлопал себя по карманам, извлек помятую пачку, сунул в рот сигарету, прикурил, на мгновение замер, уставившись на трепещущий язычок, который явно свидетельствовал о том, что рука, держащая зажигалку, немного дрожит, и со словами «Черт! Дерьмо!» толкнул дверь и вышел из подъезда.

Когда рыжая вошла в комнату, черноволосая сидела за компьютером и что-то сосредоточенно набирала.

– Привет, подруженька.

Черноволосая поморщилась и, на мгновение подняв руку то ли в знак приветствия, то ли прося не отвлекать, бросила:

– Привет... минуту!

Рыжеволосая кивнула и, положив сумочку на трюмо, подошла к шкафу.

Через пятнадцать минут, когда она, уже переодевшись и приняв душ, деловито орудовала лопаточкой, поджаривая на шипящей и плюющейся маслом сковородке пару солидной толщины стейков из свинины, на кухне появилась черноволосая. Плехнувшись на табуретку, она с наслаждением развела руки, запрокинула голову и довольно выдохнула:

– Уф, сегодня целый день не разгибаюсь. Сначала на работе пришлось подготовить и разослать почти триста писем. А потом здесь, как пришла – села за свой. И вот только встала.

Рыжая в очередной раз перевернула стейки и, отключив огонь под кастрюлькой со спагетти, достала дуршлаг:

– Ну и надо было так надрываться?

Черноволосая поморщилась:

– Мойз... Дмитрий Иванович сказал, что завтра прибудет курьер.

Рыжая усмехнулась:

– Ничего, подождет бы денек-другой.

Черноволосая молча достала пачку узких, тонких сигарет, прикурила одну и, выпустив клуб ароматного, чуть пахнущего ментолом дыма, прищурила глаза.

– Знаешь, – мечтательно сказала она, – когда-то, в сороковом, я послала Мойзеля ко всем чертям. Ну, на том балу у герцогов Мальборо... Ну, сразу после того как Черчилль снова стал премьером, неужели ты не помнишь?

Рыжая покачала головой:

– В то время, милая моя, я чистила котлы в бесплатной столовой в Варшавском гетто и думала, что моя жизнь подходит к своему печальному завершению.

Черноволосая посмотрела на нее долгим взглядом.

– Прости, – сказала она и замолчала.

После длинной паузы, за время которой на столе появились тарелки, хлеб и бутылочка кетчупа, рыжая с улыбкой сказала:

– Ай, не бери в голову... Вот интересно, почему практически каждого из нас когда-нибудь обязательно принимают за еврея или еврейку? Насколько я знаю, один только Мойзель никогда не попадал в такую ситуацию.

Черноволосая с усмешкой возразила:

– Ты не права. Он тоже побывал евреем. Впрочем, я бы не сказала, что его приняли за еврея. Просто в то время в Гейдельберге невозможно было быть банкиром и не быть евреем.

Рыжая понимающе кивнула:

– Ну да, я же забыла, что ты имела с ним роман гораздо позже, чем я, и потому лучше меня знаешь последнюю треть его жизни. – Она лукаво улыбнулась. – Честно сказать, многие, и я в том числе, считали, что тот громкий и шикарный скандал в сороковом ты устроила как раз в ознаменование вашего разрыва.

Черноволосая рассмеялась:

– Тогда я считала несколько иначе, но, судя по всему, ты права. Хотя мне до сих пор еще довольно трудно признаться в этом самой себе. Так ты о нем знаешь? – спросила она серьезно.

Рыжая кивнула:

– Конечно. Каждый из нас информируется о случаях отказа от надежды. И, могу тебе сказать, многие из нас были категорически против того, чтобы Мойзель встречал в ту авантюру с Освенцимом. – Она запнулась, потом, твердо глядя в глаза собеседнице, договорила: – И я в том числе.

Черноволосая молча затянулась сигаретой, задержала дыхание и выпустила дым через ноздри. В кухне стояла напряженная тишина. Наконец черноволосая разомкнула губы и сказала:

– Что ж, я это заслужила. – Она подняла глаза и, глядя в упор на рыжую, спросила: – А это твое мнение, ты с тех пор его изменила?

Рыжая улыбнулась и тряхнула волосами.

– Перестань, конечно же – да. Иначе я бы ни за что не согласилась поехать с тобой в эту глушь. К тому же тогда в моем отношении к тебе не было ничего личного. Просто Мойзель тогда попал в такую ситуацию, что мы вполне могли его потерять. А мы не можем позволить себе потерять Мойзеля.

Они снова помолчали, думая об одном и том же, но каждая по-своему. Рыжая взяла вилку и кивнула черноволосой:

– Ладно, давай есть, а то все остынет. – Она хихикнула. – Если бы мой консультант-диетолог узнал, чем я питаюсь по вечерам, он пришел бы в ужас.

Черноволосая удивленно посмотрела на нее, перевела взгляд на стол и... расхохоталась:

– Да уж... и не говори.

Когда они уже пили чай, хрустя (о ужас!) сушками с маком, рыжая вдруг спохватилась:

– Ты же хотела рассказать о чем-то, что там произошло после твоего знаменитого скандала на балу.

Черноволосая тряхнула волосами:

– А-а, не стоит. – Лицо ее приняло задумчивое выражение. – Впрочем... он ведь приехал ко мне после всего этого. Через неделю. Понимаешь, большая часть того, чем мы владели, была куплена на его деньги. Поэтому я всю неделю готовилась к еще более роскошному скандалу, назначенному на то время, когда он заявится ко мне и начнет требовать своего. О, – она меч-

тательно закатали глаза, – при мысли об этом скандале я испытывала настоящее вдохновение. Это был бы шедевр, настоящая жемчужина моей коллекции. А уж можешь мне поверить, я за свою жизнь закатали немало талантливейших скандалов.

Рыжая улыбнулась:

– Да уж знаем, наслышаны о твоём таланте.

Обе рассмеялись. Когда смех утих, черноволосая отодвинула в сторону чашку и, опершись локтями о стол, уложила на сомкнутые руки подбородок.

– Знаешь, он вошел в дом, поднялся в свой кабинет, бросил в саквояж несколько книг, взял открытую коробку сигар и... ушел. Он даже не зашел ко мне! Черт возьми, я почувствовала себя юной хулиганкой, которая разбила любимую чашку своего сильного, мудрого и доброго папочки, а потом, с испугу, сама же на него и наорала. А такие отцы никогда не бросают в беде своих глупых дочек. Поэтому, когда наш эшелон загнали в тупик на той польской станции, ну ты понимаешь... я имею в виду Аушвиц, я была абсолютно спокойна. – Она на мгновение умолкла и неожиданно добавила: – Вот только после того вечера я вдруг поняла, что не испытываю к нему никакого сексуального влечения. И это при том, что я охотилась за ним чертову уйму лет, что буквально бесилась от дикого желания при одной только мысли о том, как я затащу его в постель...

Рыжая согласно кивнула головой:

– Да. В этом мы все одинаковы.

Черноволосая удивленно воззрилась на нее:

– Что? У тебя было так же? Мне всегда казалось, что ты холодная как ледышка, что зажечь тебя можно только большой дозой напалма.

Рыжая рассмеялась:

– Ну, во-первых, большинство тех из наших, с кем мы время от времени встречаемся, уже побывали в моей постели, так что особого интереса к ним у меня нет. Во-вторых, я действительно несколько подуспокоилась. А в-третьих, дело даже не во мне. Просто... Мойзель, черт бы его побрал, всегда оказывается прав. Я не знаю, в чем тут дело, но каких-то, как теперь говорят, паранормальных способностей я за ним не заметила. Может быть, дело в том, что его единственная страсть, которой он отдается всей душой, – это люди. Он изучил их как никто в мире. Даже в те периоды, когда он не проявлял особой активности, он все равно внимательно следил за развитием ситуации и явно испытывал удовольствие от того, что все правильно про считал.

Черноволосая задумчиво кивнула:

– Да, это так, но я не понимаю, при чем здесь...

– Дело в том, что он приходит к нам, глупеньким, не тогда, когда мы рычим от дикого желания и кончаем при одной мысли о том, как затащим его в постель, а тогда, когда мы уже созрели, чтобы не просто поверить, но и осознать и принять тот факт, что он – именно папочка. Причем лучший из всех, кого могут желать взрослые дяди и тети. При этом мы сами еще даже не осознаем этого, но он всегда очень точно выбирает момент.

Черноволосая замерла, пораженная открывшейся ей истиной.

– Вот сволочь! – сердито воскликнула она.

Рыжая усмехнулась:

– Брось, ты же получила все, о чем мечтала, – и полные бассейны роз, и страстные объятия, и ночи любви, уж я-то знаю, как он умеет превратить жизнь женщины в сказку, а плюс к этому еще и многое другое. Представь, во что превратилась бы твоя жизнь, если бы ты продолжала желать его как мужчину?

Черноволосая сердито фыркнула, но через какое-то время ее гнев угас, уступив место невеселой улыбке.

– Да, наверное, ты права, но, черт побери, я уже давно не чувствовала себя такой униженной.

Рыжая понимающе кивнула:

– Еще бы, ведь все это время ты считала, что именно ты затащила его в свою постель. Не волнуйся, когда я поняла то, что только что тебе рассказала, я тоже была взбешена. И, могу тебе признаться, мне на это понадобилось гораздо больше времени, чем прошло с момента вашего расставания.

Они помолчали, потом рыжая задумчиво произнесла:

– Ты знаешь, он, наверное, последний, кто может бросить лозунг древних королей: «Все, кто любит меня, – за мной!» – и все, кто его знает, рванут за ним во все лопатки, невзирая ни на что.

Черноволосая с иронией посмотрела на подругу:

– Да уж знаю, иначе какого черта мы с тобой здесь делаем?

Рыжая взглянула на черноволосую с недоумением, но тут до нее дошло, что они сами – ярчайшее подтверждение ее же собственных слов, и она расхохоталась. Через мгновение к ней присоединилась и черноволосая.

Когда они успокоились, черноволосая спросила:

– Ну ладно, давай оставим эту тему. А как твои дела?

– Как и ожидалось, – со смешком ответила рыжая. – Еще пару месяцев, и они все будут есть у меня с ладони. Но самое забавное знаешь что? Похоже, в меня сильно втрескался наш редакционный мачо. Он возит меня на своей машине, регулярно платит за мой обед и вечерами провожает до дома. А сегодня, представь себе, он даже пытался поцеловать меня.

Черноволосая сделал круглые глаза:

– Не думала, что при таком обилии симпатичных мордашек на нас с тобой здесь кто-нибудь клонет.

– При чем здесь мордашки? – запротестовала рыжая. – Где ты видела мужчину, который влюбляется во внешность? Реагирует – да. Пожирает глазами – естественно, но... Мордашки, ножки, сиськи и попки они любят рассматривать на красочных картинках, а вживую – подавляющее большинство таких просто боится, а более храброму или, вернее, наглому меньшинству нужно только одно... Так что любовь в этом случае абсолютно ни при чем.

– Ну не знаю, – сказала черноволосая, качая головой. – Мне никогда не мешала моя внешность, да и ты тоже обычно предпочитаешь выглядеть... попривлекательней.

– Милая, по-моему, ты забыла, мы же говорим о любви, – заметила рыжая. – А разве тебе или мне нужна любовь? Влюбленность, страсть, поклонение – да, но любовь... Мы с тобой давно уже не можем позволить себе такой роскоши. А что касается мужчин, то ты права в одном. Они думают, что им непременно нужна красавица. Причем больше для того, чтобы перед кем-нибудь прихвастнуть. – Она рассмеялась. – Знаешь, мне рассказали очередной анекдот на это тему. Очень показательный. Вот послушай: «Попал мужик после кораблекрушения на необитаемый остров. Обжился, приспособился. И надо же такому случиться, что через пару лет рядом затонула роскошная яхта, а из всех, кто на ней был, спаслась только Клаудия Шиффер. Ну та, супермодель».

Черноволосая ревниво фыркнула:

– Тоже мне, супермодель...

– Не перебивай. Так вот дальше: «Мужик ее накормил, обогрел, и стали они с ней жить. И вот эта супермодель замечает, что мужик как-то погрустнел. Она к нему и так и сяк, что, мол, тебе, родной, надобно? А он возьми да и попроси: „Загнимируйся, Клава, под мужика“. Та удивилась, но волосики подобрала, костюмчик мужской надела, усики подвела и предстала перед ним. Тот оживился, бражки достал, разлил по стаканам. Выпили, тут хозяин и говорит: „Слышь, мужик, ты не поверишь, но я с Клаудией Шиффер живу!“.

Когда смех затих, черноволосая спросила:

– Так ты что, собираешься завести интрижку?

Рыжая задумчиво улыбнулась:

– Да нет, просто... у них даже мачо какие-то странные, такие романтические, ранимые, они просто думают, что это они-де покоряют женщин, а на самом деле они ищут любви. Этот мальчик просто сильнее других запутался в моих сетях. Ну да ладно, а как твои успехи?

Черноволосая хмыкнула:

– Да так, потихоньку. – Она взяла со стола чашку с остывшим чаем и сделала глоток. – Знаешь, ты будешь смеяться, но я пришла к выводу, что Мойзель опять оказался прав.

Рыжая отреагировала на эту сентенцию, послав своей подруге взгляд, каким смотрят обычно на того, кто вспоминает вдруг такой старый анекдот, что не стоит даже спрашивать окружающих, знают ли они его, – достаточно произнести одно-два ключевых слова, например: «Василь Иванович, подвинься...»

– Не язви, пожалуйста. Просто у этой страны такой потенциал, что, даже если бы мы не пришли, через два-три года здесь все равно начался бы такой подъем, что всему остальному миру он показался бы вертикальным взлетом. – Черноволосая прищурила глаза, будто кошка, только что втихаря уполовинившая банку густой домашней сметанки. – Черт возьми, я чувствую себя прямо каким-то царем Мидасом. Здесь можно вкладывать деньги куда угодно: в землю, в сервис, в транспорт, в научные разработки, в промышленность, и спустя год-другой ты будешь купаться в прибыли. Только в эту область можно вложить порядка тридцати-сорока миллиардов долларов и через восемь-десять лет удвоить капитал.

Она замолчала и, вскинув очи вверх, замерла, наслаждаясь открывшимися перспективами. Но рыжая быстро вернула ее на землю:

– Возможно, но мы пришли. И сейчас все зависит от того, как получится у Мойзеля. Если ему удастся, то твой вертикальный взлет превратится в ракетный старт, а если нет...

Черноволосая усмехнулась:

– Не волнуйся, разве это его первая авантюрная идея, которая воплотилась в жизнь? Ты же знаешь – «Мойзель всегда оказывается прав».

Рыжая вздохнула:

– Хотелось бы... – Она подняла голову и с беспокойством посмотрела на подругу. – Скажи, ты хорошо поняла, что он задумал?

– А что в этом непонятного? – удивленно вскинулась та. – Он хочет восстановить в этой стране монархию и стать ее королем.

– Если бы только это... – с невеселой улыбкой сказала рыжая. – Ах, если б только это... – Она помолчала, кусая губы, потом сказала: – Он хочет стать не просто королем этой страны, он собирается стать единственным монархом этой планеты. Абсолютным!

Черноволосая вздрогнула. Некоторое время в кухне стояло тяжелое молчание. Наконец черноволосая прошептала:

– Значит... опять война?

Рыжая, помолчав немного, ответила вопросом на вопрос:

– А разве ты знаешь иной способ стать властелином мира?

6

Заскрипели тормоза, вагон дернулся, лязгнули буфера, мужик, стоявший позади Дашуни, качнулся вперед, преобольно заехав ей локтем между лопаток, но, вместо того чтобы извиниться, только выругался в пространство. Дашуня посмотрела на него через плечо, но тут же отвернулась. Мужик был толстый, небритый и злой. Рядом с ним громоздился небольшой Эверест из клеенчатых баулов, от которых несло салом и копчениями. Дашуня, до сих пор успешно противостоявшая этим ароматам, из-за неожиданного удара в спину слегка расслабилась, и ее рот тут же наполнился слюной. Последний раз она ела вчера вечером. Дашуня сердито сглотнула слюну и задержала дыхание. Впереди гулко лязгнуло: это проводница распахнула дверь и откинула ступеньку. Народ, толпившийся в проходе, заволновался и двинулся вперед.

На перроне было людно, а вагоны поезда продолжали извергать из себя все новые и новые потоки людей. В плотной толпе медленно, будто ледоколы, двигались носильщики, несуетливо толкая перед собой громоздкие тележки. Дашуня двигалась вместе со всеми, отчаянно вертя головой и пытаясь как следует разглядеть все вокруг, а сердечко отчаянно колотилось, и в голове гремел восторженный вопль: «Я уже в Москве!» Сзади послышался знакомый голос. Дашуня обернулась. Давешний мужик, обливаясь потом и поливая матом весь белый свет, волок на себе свои сумки, а рядом степенно шествовал носильщик с полупустой тележкой. В ленивом взгляде носильщика светилась легкая ирония, и он время от времени делал легкое движение тележкой, как будто подставляя ее под одну из свешивавшихся со всех сторон сумок, отчего мужик взрыкивал, шарахался в сторону и выплескивал новую порцию мата. Было видно, что он готов лечь костями на этом перроне, но не дать «этим злыдням» заработать на нем ни единой копейки.

Наконец толпа продавила Дашуню через широко распахнутые, несмотря на пружины, двери и разделилась на ручейки. Основной поток двинулся в сторону метро, другой, тоже довольно солидный рукав, повернул к привокзальному рынку (откуда-то из середины этого ответвления до нее еще пару раз донеслись всплески знакомого мата), а остальные рассыпались мелкими брызгами по автобусным и троллейбусным остановкам, маршруткам и частникам. Дашуня остановилась, поставила на сухой горячий асфальт свой слегка оббитый, но еще довольно крепкий чемодан и глубоко вдохнула терпкий, чуть горчащий московский воздух. Над городом стоял гул, издаваемый сотнями тысяч машин, мчащихся по широким проспектам, окутанным ласковым зеленым пологом листвы. Москва!.. Лучший город Земли. Что там Париж или Нью-Йорк, Москва ничуть не хуже, но здесь еще и говорят по-русски. Здесь перед молодыми, энергичными, пусть и не очень красивыми девчонками из далекой российской провинции открываются такие перспективы, что просто дух захватывает. Дашуня счастливо вздохнула и, подхватив чемодан, пошла к метро...

Институт она отыскала с трудом. Вроде по схеме, скачанной из Интернета, все выходило очень просто – метро «Чистые пруды», потом две остановки на трамвае или двести метров пешком – и вот он. Но у метро оказалось два выхода, и конечно же она вышла не из того, повернула не туда и потом почти три часа плутала по всяким Малым Татарским и Большим Ивановским переулкам, Вторым Ямским проездам, где дома имели совершенно дебильную многоэтажную нумерацию типа: дом семь, корпус четыре, строение двести девяносто семь «Б». Так что когда Дашуня наконец выбралась на Бульварное кольцо, ноги у нее подгибались, а руки, отягощенные пусть и не особо тяжелым, но все-таки довольно плотно набитым чемоданом, просто отваливались. К тому же очень хотелось пить, да и есть тоже. Но когда Дашуня, решив слегка поправить это дело, подошла к стойке довольно большого уличного кафе, раскинувшего свои зонтики как раз у нужного выхода из метро, который она так бездарно провороро-

нила, то ей хватило одного взгляда на цены, чтобы громко ойкнуть, что Дашуня и сделала. Она тут же покраснела, поймав на себе несколько насмешливых взглядов. Секунды две девушка колебалась – ей очень хотелось выложить с независимым видом за сосиску и салатик сумму, на которую она дома могла раза три довольно прилично пообедать, лишь бы доказать этим высокомерным москвичам, что и она тоже не лыком шита, но она, хотя и с трудом, подавила в себе это глупое желание. Денег у нее было не очень-то много, а до первой стипендии еще о-го-го сколько. Да и та наверняка не позволит особо шиковать. Поэтому, кроме стипендии, она еще собиралась устроиться на какую-нибудь работу. Вообще насчет того, как устроиться в Москве, у нее были довольно детально разработанные планы. Во всяком случае, дома ей казалось именно так, хотя сейчас где-то в глубине души у нее появилось... нет, не сомнение, а, скажем так, лишь первые его зачатки. Но Дашуня тут же припомнила слова Наполеона о том, что неуверенность – первый шаг к поражению. Поэтому она гордо вскинула голову и, подхватив ставший совершенно неподъемным чемодан, удалилась от кафе с максимально независимым видом. Как выяснилось чуть позже, это оказалось совершенно правильным решением. Потому что чуть дальше она наткнулась на продукт, деньги на который она потратила с легкой душой. Поскольку здесь, в Москве, он стоил даже немного дешевле, чем дома. Это были бананы.

Устроившись на скамейке и слегка утолив голод, Дашуня подняла свой чемодан, который вроде как немного полегчал, и двинулась в нужном направлении.

Институт выглядел не особо презентабельно. Мрачноватое многоэтажное здание в техностиле стыка пятидесятых и шестидесятых годов со слегка обшарпанным фасадом и оббитыми по краям ступенями, ведущими к тяжелым деревянным дверям, отворяющимся в обе стороны. Когда Дашуня прочитала табличку, означавшую, что она наконец-то добралась до цели своего почти двухнедельного путешествия, у нее засосало под ложечкой. Ей вдруг отчаянно захотелось снова оказаться дома, потому что вся эта затея с путешествием сейчас, на этом пороге, показалась ей безумной авантюрой, не имеющей никаких шансов на успех, а надежда на дипломы за победы в олимпиадах, на похвальные грамоты и особенно на золотую медаль, спрятанную в отдельной косметичке, которую Дашуня сунула в самый укромный угол чемодана, – просто смешными. Но отступать было поздно, и она, упрямо сжав губы и вызываясь выставив подбородок, протянула руку и, навалившись всем телом, отворила тяжелую дверь...

В огромном фойе было прохладно. Сразу у входа, справа и слева от дверей, протянулись гардеробные, которые оканчивались у широких лестниц, ведущих на второй этаж, а прямо напротив, у дальней стены, вдоль окон тянулся длинный стол, на который указывали стрелки на самодельных бумажных указателях. Над стрелками большими буквами были написаны два слова: «Приемная комиссия». Народу в фойе было не очень много, и большинство толпилось у стола. Дашуня потерянно оглянулась. И как это она не догадалась! Все ее бумаги лежали в старенькой ледериновой папке, упрятанной на самом дне чемодана. Ну что ей стоило извлечь все наружу еще в сквере, когда можно было удобно расположить чемодан на лавочке? А теперь что делать? Она сердито вздохнула и, подойдя к колонне с указателем, оперлась о нее спиной, согнула ноги в коленях и положила на них чемодан. Она только успела откинуть крышку, как сбоку послышался чей-то насмешливый голос:

– Это еще что за чушка в дерюжке?

Дашуня вздрогнула, покраснела и, слегка покосившись в сторону, откуда раздался голос, увидела шагах в десяти от себя двух рослых и стильных девиц в таком крутом прикиде, что у нее перехватило дух. У них в городе тоже было немало девиц, изо всех сил старавшихся походить на картинки в «Эль» или «Космополитен», но эти... От них несло такой холеностью, что Дашуня буквально почувствовала этот запах.

– Как ты думаешь, зачем она здесь?

Они и не думали приглушать голос, спокойно обсуждая заинтересовавшее их явление и не собираясь обращать внимание на то, что сие явление живое и ему может не очень понравиться тон, в котором это обсуждение проходит.

– Наверное, хочет устроиться в уборщицы? – предположила одна.

– Или в дворничихи, – выдвинула свою версию другая. Они переглянулись, а потом первая тоном, выразительно подчеркивавшим всю абсурдность подобного утверждения, заявила:

– Ну не поступать же, в конце концов, она собралась?

И обе манерно рассмеялись. Когда смех утих, та, которая первой обратила на нее внимание, еще раз окинула Дашуню презрительным взглядом и заявила:

– Да-а, если в этом институте будут учиться такие рожи, моей ноги здесь не будет.

Причем это было сказано таким тоном, что у всех окружающих должно было сложиться твердое убеждение, что если полы и лестницы данного учебного заведения будут лишены чести быть попираемыми ногой этого существа, мир – не мир, но уж это учебное заведение точно ожидает что-то ужасное. От такой наглости Дашуня просто остоленела. Между тем девицы, брезгливо взглянув на нее еще разок, переключились на другую тему, главным героем которой был какой-то Арсен, обладатель синего «сааба» и весьма свободных взглядов на взаимоотношения с женщинами, которые отчего-то казались этим холеным стервам возмутительными. Впрочем, гораздо большее возмущение у них вызывала какая-то Карина. Дашуня потрясла головой, пытаясь выбросить из головы все, что услышала, но все равно, когда она наконец-то достала заветную папку и, кое-как закрыв чемодан, пошла к столу приемной комиссии, чувствовала она себя словно оплеванная.

На столах стояли таблички с названиями факультетов. Дашуня отыскивала свой и, робко присев на колченогий, разболтанный стул, стоявший по эту сторону стола, деревянным голосом поздоровалась. Мадам, сидевшая за столом, оторвалась от полировки своих ногтей, окинула ее взглядом, не очень-то сильно отличавшимся от взгляда тех девиц, и спросила чуть ли не сквозь зубы:

– Поступать?

– Да.

Мадам пару мгновений сверлила ее взглядом, который должен был убедить Дашуню в полной абсурдности подобной мысли, а затем все так же сквозь зубы отрывисто спросила:

– Откуда?

– Из Тобольска.

Мадам тяжело вздохнула:

– О господи! – Она с минуту молчала, потом, сообразив, как видно, что ждать нечего и это провинциальное стихийное бедствие, обрушившееся на ее бедную голову, не собирается растворяться в воздухе, процедила: – Ладно, давай документы.

Дашуня протянула папку...

Мадам минут пять лениво ворошила ее документы, время от времени перемежая шелест бумаг скептическим хмыканьем или критичным фырканьем, затем подняла на нее глаза:

– Что же это вы, милочка?

– А что? – испугалась Дашуня.

– Да вот. – Мадам отпихнула от себя папку. – Справка от гинеколога – просрочена, справки из санэпидемстанции – вообще нет, флюорографии – тоже нет. Забери.

Дашуня не поверила своим ушам:

– Но!..

– Забери-забери. – Мадам уже вновь была занята обработкой своих ногтей и совершенно не собиралась отвлекаться от этого чрезвычайно важного занятия...

Когда Дашуне удалось наконец унять слезы, она обнаружила, что рядом с ней на подоконнике пристроился какой-то незнакомый худощавый парень. Заметив, что она уже снова способна воспринимать окружающее, он участливо улыбнулся:

– Что, документы не взяли?

Дашуня настороженно покосилась на него, но улыбка у парня была такая открытая, полная сочувствия, что она только кивнула и совершенно по-детски шмыгнула носом.

– Понимаю. – Парень кивнул и после короткой паузы заключил: – Да-а, глядя на тебя, любому лысому становится ясно, что свои законные полторы штуки с тебя никто не снимет.

Дашуня уставилась на него с недоумением:

– Какие полторы штуки?

Он окинул ее снисходительным взглядом:

– Ну ты деревня...

Тут только до Дашуни дошло, что он имеет в виду, и от названной суммы у нее захватило дух.

– Полторы! Да ведь это же...

Парень хмыкнул. Дашуня несколько мгновений потерянно молчала.

– И что, иначе никак? – спросила она наконец с какой-то отчаянной надеждой.

Парень качнул головой:

– Ты же видишь. Голова у тебя, может быть, и светлая, и экзамены бы ты, возможно, сдала, но у тебя просто никто не возьмет документов. Прикопаются к каким-нибудь справкам или смазанным печатям – и все.

Дашуня еще немного посидела, раздумывая над тем, что же ей делать дальше, потом решительно поднялась на ноги. Парень с недоумением посмотрел на нее:

– Ты куда?

– Ну-у-у... в другой институт.

Парень растянул губы в снисходительной улыбке:

– Ну ты даешь! Да наш институт еще из самых дешевых. В других полутора штуками не отделаешься. В МГУ знаешь сколько берут?

– Во всех берут?

Улыбка парня выражала спокойную уверенность человека, который обладает настолько неопровержимыми фактами, что мысль о какой-либо проверке может прийти в голову только полному дебилу.

– И что же делать?

Парень слегка оттопырил губы, изображая задумчивость, и неожиданно спросил:

– Куришь?

Дашуня мотнула головой:

– Нет.

Парень хохотнул:

– Ну, ты действительно уникам. – На его лице появилось ехидное выражение. – А может, ты еще и того?

Дашуня озадаченно уставилась на него, потом, сообразив, на что он намекает, густо покраснела и со злостью отрезала:

– А вот это не твоё дело.

Парень заржал:

– Вот это да. Реликт. Я думал, что таких уже и в природе не существует.

Дашуня сердито дернулась, но парень, резко оборвав смех, придержал ее за руку и миролюбиво произнес:

– Ну чего ты, брось. Я не имел в виду ничего плохого. Просто в наше время это... ну сама понимаешь.

– Ничего я не понимаю, – выкрикнула Дашуня, выдергивая руку, и повернулась, чтобы уйти, но парень быстро заговорил:

– Я ведь помочь тебе хочу, чудо. Тут в институте есть вакансия, уборщица. Деньги небольшие или, вернее, совсем никакие, но у тебя будет хороший левый доход. А дело так, тьфу, пакетики продавать. Тебе и покупателей искать не надо. Они сами будут к тебе приходить. А деньги будешь получать хорошие. Через год вполне сможешь накопить даже на МГУ.

Дашуня несколько мгновений круглыми глазами смотрела на парня, не понимая, о чем это он, и вдруг до нее дошло.

– Ты что? – крикнула она.

– Ладно, замнем, тише, – шикнул парень и, заметив, что Дашуня собирается высказать все, что она думает о таких типах, как он, зло ощерился, дернул Дашуню за руку, притянул к себе и прошипел: – А кому-нибудь ляпнешь – пеняй на себя. Понятно? – После чего, не дожидаясь ответа, соскочил с подоконника и, еще раз бросив в ее сторону свирепый взгляд, нырнул за поворот коридора...

Полночь Дашуня встретила в вагоне метро. Она каталась уже почти пять часов, и от метро ее просто тошнило, но, что делать дальше и куда идти, она абсолютно не представляла.

На очередной остановке в вагон вошла молодая женщина, вернее даже девушка, всего-то лет на пять-шесть старше Дашуни. Сначала Дашуня, занятая своими грустными мыслями, как-то не обратила на нее внимание. Но когда ее брошенный мельком взгляд скользнул по тонкой фигуре, примостившейся на соседнем диванчике, то уже через минуту она поймала себя на том, что не отрываясь смотрит на неожиданную соседку по вагону. В той не было ничего особенного. Обычное русское лицо, привлекательное отнюдь не классически правильными или яркими чертами, а скорее добротой и спокойной умиротворенностью, настолько подходящими ему, что попытка придумать этому лицу какое-либо иное выражение, вероятно, окончилась бы для предпринявшего такие усилия только головной болью. Она не старалась выглядеть красивой не потому, что не могла. Ей просто не надо было заниматься подобными глупостями. Она и в нынешнем своем скромном виде заставляла мужчин выворачивать шеи, а мужские сердца – давать сбой в отчаянной мечте не о сексапильной самке, а о верной и заботливой жене и нежной, надежной и бесконечно терпеливой матери их детей. То есть о том, чего в нынешние времена мужчинам не хватало больше всего. Так, наверное, лет через пять смогла бы выглядеть и сама Дашуня, если бы была одета, обута и подстрижена, как эта женщина. Но это было уже из области несбыточных мечтаний. После всего, что с ней сегодня произошло, Дашуня была твердо уверена, что она никогда не сможет стать хоть немного похожей на эту девушку.

Они проехали вместе шесть остановок. Дашуня, поймав себя на том, что она совершенно неприлично пялится на свою соседку, все это время старалась специально смотреть в другую сторону, но то и дело скашивала глаза, чтобы бросить на нее еще один взгляд. Наконец объявили «Коломенскую». Молодая женщина, все это время вроде бы сосредоточенно рассматривавшая какие-то бумаги, извлеченные из довольно объемистой дамской сумочки, встала и пошла вдоль вагона, хотя дверь находилась всего в двух шагах от нее. Куда она шла, Дашуня поняла, лишь когда эта женщина остановилась прямо напротив нее:

– Как тебя зовут?

Дашуня от неожиданности чуть не поперхнулась:

– Дашу... то есть Дарья.

Женщина кивнула:

– А меня Татьяна. – Она секунду молчала, внимательно глядя на Дашуню, потом улыбнулась. И от этого губы Дашуни сами собой разъехались в стороны в ответной улыбке.

– Пойдем.

– Куда?

Женщина пожала плечами:

– В общем-то, у меня тесновато, но раскладушка есть.

Дашуня оторопело моргнула. Такого она не ожидала. Но женщина не дала ей времени на удивление:

– Давай быстрее, а то проедем...

Спустя два часа, после плотного ужина и чая с печеньем (мама всегда говорила Дашуне, что есть на ночь – лучший способ поправиться, но... никогда сама не отказывала себе в этом удовольствии) Дашуня, ловко управляясь с грязной посудой, спросила Татьяну, сражавшуюся, аки Самсон со львом, с неподатливым матрасом:

– А почему ты меня позвала?

Татьяна выпрямилась, сдувая с лица выбившиеся пряди, и весело посмотрела на Дашуню.

– Тоже мне задачка. Если в вагоне метро сидит вымотанная донельзя девчонка в обнимку с обшарпанным дорожным чемоданом и косится по сторонам тоскливым взглядом, значит, ей негде переночевать.

Дашуня хмыкнула, представив описанную картину со своей драгоценной особой в центре композиции, но тут же согнала с лица улыбку и снова обратилась к Татьяне:

– Да нет, я не об этом. Почему ты вообще подошла ко мне? Какое тебе до меня дело?

Татьяна, завершив наконец свои бои с матрасом полной и окончательной победой, повернула к Дашуне серьезное лицо:

– Понимаешь, два года назад я точно так же, как и ты, оказалась в Москве, совершенно одна, с чемоданом на горбу и сотней рублей в кармане, которых не хватило бы даже на билет на экипаж, если бы между Москвой и Саратовом внезапно открылось конное сообщение. Так вот, тогда нашлись люди, которые мне помогли. А взамен... знаешь, я не очень-то понимаю, как это все вышло, но сегодня я вдруг почувствовала, что... я должна отдать этот долг.

Они помолчали, потом Дашуня тихо произнесла:

– Но... почему я?

Татьяна пожала плечами:

– Просто ты показалась мне способной принять эстафету долга.

– А кто эти люди? – спросила Дашуня немного погодя.

Татьяна не успела ей ответить, потому что зазвонил телефон, стоявший на столике за ее спиной. Она быстро повернулась и сняла трубку.

– Слушаю... Да... Конечно... Да, к трем я буду готова... Благодарю вас, Ваше Высочество. Спокойной ночи.

7

– Молодец, Постышев.

Инструктор выпрямился и, отвернувшись от мишеней, посмотрел на Виктора.

– Если так отстреляешься на соревнованиях – место тебе обеспечено. Только по «движке» будь повнимательней. Левого «заложника» чуть не задел.

– Учтем, – сказал Виктор, пытаясь убрать с лица довольную улыбку (что ему не очень-то удалось). Сегодня стрельба у него действительно шла как по маслу. Пистолет будто сам прыгал в руку, а пули так свирепо дырявили середину мишени, что казалось, будто они живые, а этот черный силуэт их чем-то смертельно обидел.

– Учтем, сэнсэй, – повторил Виктор.

Инструктор усмехнулся:

– Ну-ну... Так что, может, еще серию?

– С удовольствием, – ответил Виктор и направился к огневому рубежу, на ходу выщелкнув магазин из рукоятки пистолета – она торчала из открытой спортивной поясной кобуры.

Но отстрелять эту серию ему так и не удалось. Он только что закончил снаряжать магазин, когда зазвонил телефон, стоявший на столике у входной двери, в двадцати пяти метрах от огневого рубежа. Инструктор чертыхнулся и рысцой побежал к аппарату. Вернулся он через пять минут.

– Вот так, Постышев, придется нам закруглиться на сегодня. Тебя желает видеть Дед.

Виктор удивленно поднял брови. Чем мог скромный оперативный сотрудник заинтересовать самого начальника Управления? Тем более что до сих пор они встречались лично только три раза. Да и то это еще как посмотреть. Если генерал Абзаров самолично инструктирует группу, в состав которой входит и капитан Постышев, то это как, можно считать личной встречей?

До Управления он добрался довольно быстро. На его счастье, когда он выскочил из дверей, прямо перед его носом сдавала назад «волжана» из их Управления. Виктор махнул водителю, тот затормозил, глухо щелкнули фиксаторы, Виктор рванул дверцу и прыгнул на переднее сиденье. Водитель, знакомый старлей из «наружки», ткнул кнопку блокировки дверей и придавил акселератор. Под капотом вроде бы обычной «баржи» утробно взревела форсированная «тойотовская» восьмерка объемом за четыре с половиной литра, и «волжана», присев на задок, выпрыгнула из узкого внутреннего дворика, ввинтившись в узкую щель в потоке и заставив вальяжного господина в лаково блестящем «биммере» заполошно вскинуться и отчаянно вдавить педаль тормоза. Когда он, чудом не получив в задний бампер от глыбоподобного «субурбана», сумел-таки, отчаянно матеря придурка на «барже», выровнять своего едва не пошедшего юзом «биммера», «волжана» уже проскочила пару кварталов и вылетела на Садовое. Виктор с удовольствием наблюдал, как расплескиваются в стороны высокомерные «лексусы» и «гелендвагены», едва скромная серая «волжана», к немалому удивлению хозяев этих скорее даже не машин, а движущихся памятников людского тщеславия, почти упершись передним бампером в их задний, моргала проблесковыми маячками из-за вроде бы такой обычной решетки радиатора. А если это не помогало, то водителю достаточно было лишь на полсекунды придавить кнопку включения сирены, и владельцы этих символов престижа тут же убеждались, что хваленая звукоизоляция «мерседесов» вовсе не так уж и хороша.

Однако во двор Управления они въехали довольно степенно. Окна кабинета Деда выходили на фасад, и при хорошей погоде, такой как сейчас, он частенько распахивал их настежь. В принципе все это – расположение кабинета и уж тем более распахнутые окна – было грубейшим нарушением доброй дюжины секретных приказов и совершенно секретных инструкций, но Постышев хотел бы посмотреть на человека, который заставил бы Деда сделать что-

то против его воли. Дед – это была такая глыба, стронуть которую с места было практически невозможно. Ходили слухи, что особо черная полоса у одного чрезвычайно могущественного олигарха, позиции которого еще недавно казались незыблемыми, как расположение земных полюсов, началась именно тогда, когда он вздумал посадить в кресло Деда своего человека.

Олигарх чувствовал себя настолько уверенно, что даже пригласил Деда к себе на дачу и предложил ему «полюбовно» уйти на пенсию. Да еще снисходительно пообещал «добавить на спокойную старость». Ему казалось, что все решено и разговор вести не о чем. Но в следующие несколько месяцев внезапно выяснилось, что его влияние в верхах не так уж и прочно. Буквально через неделю после той памятной беседы в разных структурах и службах начали чрезвычайно настойчиво всплывать интересные фактики. В принципе, ничего нового, всем все известно, но раньше эти фактики как-то предпочитали не замечать, а теперь вдруг на них начали обращать пристальное внимание. Число этих фактиков и даже фактов росло, обретало юридическую составляющую, и старые друзья олигарха начали вдруг забывать номер его мобильного, даты рождения его самого, его жены и детей (раньше эти даты были впечатаны в их память лучше, чем свои собственные). И через какие-то полгода олигарх счел за благо переместиться за границы страны. Недаром в Управлении ходила поговорка: «Министры приходят и уходят, а Дед – остается».

Так вот, Дед страшно не любил, когда кто-то из его подчиненных, как это говорится, «выживаетеся». Как-то раз он поймал на подобном «простреле» по проспекту собственного водителя. После чего на парня два месяца страшно было смотреть. Старика лучше было не дразнить.

Когда Виктор влетел в приемную, референт как раз раздраженно бросил трубку на рычаг и скривился. Но услышав хлопок закрывшейся двери, поднял глаза и с облегчением выдохнул:

– Ну, наконец-то. Дед уже второй раз спрашивает про тебя.

Виктор никак не мог оправиться от удивления. Просто интересно, с чего это Деду так приспичило?

– А как он?

Референт пожал плечами:

– Да вроде ничего. Вот только ты ему зачем-то сильно понадобился.

– Вот так, с бухты-барахты?

Референт хмыкнул. В этой должности он пребывал всего полтора месяца и еще не успел приобрести того одновременно начальственного и угодливого апломба, который столь характерен для людей, долгое время подвизающихся на подобных должностях...

– Ты же знаешь, Дед никогда ничего не делает с бухты-барахты. Просто... – он вскинул вверх руки, – неисповедимы пути Господни. Что-то где-то сегодня созрело, и Деду срочно понадобился капитан Постышев.

Виктор хмыкнул, бросил взгляд в висевшее сбоку зеркало и, кивнув референту, взялся за ручку двери. Тот надавил клавишу и совершенно иным, каким-то бодро-молодцеватым голосом доложил:

– Товарищ генерал, Постышев прибыл.

Из динамика раздался рык Деда:

– Пусть войдет... – И после паузы: – Машину мне. Через пять минут.

На физиономии референта нарисовалось недоумение: похоже, столь нетерпеливо ожидаемый Дедом Постышев не так уж и нужен, однако его рука уже дисциплинированно потянулась к клавише селектора. Виктор ответил на его озадаченный взгляд столь же недоуменным пожатием плеч, дернув ручку, шагнул вперед и через мгновение уже вытянулся у начала широкой ковровой дорожки, расстеленной вдоль длинного стола для совещаний, который торцом упирался в рабочий стол начальника Управления. Самого Деда видно не было. Почти. Из-за стола торчала его спина.

– Товарищ генерал-лейтенант, капитан Постышев по вашему приказанию...

Из-под стола раздался зычный голос Деда.

– У тебя сорок третий?

Виктор осекся и растерянно сказал:

– Д-да...

Дед распрямился. В руках у него были тяжелые болотные сапоги.

– Уху варить умеешь?

Виктор секунды две, онемев, смотрел на странную картину, потом, очнувшись, четко доложил:

– Так точно!

– Ну вот и ладненько, – подытожил Дед, – держи, я за тобой сапоги таскать не собираюсь. Молод еще.

Часа через полтора Виктор сидел на корточках перед костром, над которым на толстой орешине висело эмалированное ведро с кипящим варевом. В ведре плавали здоровенные куски свежего осетра, привезенного одним из гостей Деда, а всякая ершово-пескаревая мелочь первого взвара была уже выужена из ведра и сейчас остывала в большой миске, пристроившейся на краю клеенки, которая была расстелена прямо на земле. Этот импровизированный стол был накрыт щедро, но просто: огурцы, помидоры, болгарский перец, колбаска, опять же сальце (а куда без него?), чесночок, лучок, несколько увесистых связок свежей таранки, полголовы сыра со слезой и два десятка вареных яиц. А в банальных авоськах, опущенных в озерную воду, доходили до нужной температуры дюжина бутылок «Смирновской» и пара бочонков седьмой «Балтики». Виктор все еще был слегка не в себе, и эту оторопь навело на него не столько стремительное развитие странных событий, сколько... подбор гостей, съехавшихся на дачу Деда. Из десятка мужчин, пожилых и не очень, сидевших сейчас с удочками на берегу озера, Виктор знал только пятерых. Но и этого было достаточно, чтобы составить себе представление, какого уровня эти гости. Двое были начальниками смежных Управлений, один – генерал налоговой полиции, четвертый из знакомых лиц являлся Директором русского бюро Интерпола, а последний занимал высокий пост заместителя Председателя Госдумы. По всему выходило, что на даче у Деда затевалось что-то чрезвычайно серьезное. И, похоже, в этом серьезном некая важная роль отводилась ему – капитану Постышеву. От этого было немного муторно на душе. Он давно уже вышел из того возраста, когда прикосновение к тайнам пьянило и заставляло сильнее биться его сердце. Да и что это были за тайны – тьфу, мелочь. Но даже эта мелочь испортила ему немало крови. А теперь вот его ждало что-то настоящее, и на сердце было беспокойно, хотя в то же время он испытывал какое-то странное чувство возбужденности.

Виктор приподнялся и, зачерпнув варево деревянной ложкой на длинной ручке, поднес к губам, подул и осторожно отхлебнул. Подумал. Потом отхлебнул еще и почмокал. Похоже, все в норме, разве что добавить пару горошин черного перца.

– Ну как? – Начальственный рык раздался сзади совершенно неожиданно. Виктор вздрогнул и чуть не выронил ложку. Только что Дед, как и все, торчал с удочкой на бережке и вот, пожалуйста, стоит за спиной и деловито заглядывает в ведро. Постышев, с трудом преодолев смущение (уж очень непривычно было вот так запросто общаться с самим Дедом), отпартовал:

– Еще десять минут – и готово.

– Вот и ладненько, – констатировал хозяин дачи, – аккурат первая желудок взбодрит, – и, взяв с клеенки тарелку из нержавейки, заколотил в нее алюминиевой ложкой, оглашая окрестности истошным звоном. – А ты, молодой, давай-ка быстренько доставай беленькую...

Спустя два часа, когда Виктор полоскал в озере миски, уже отмытые «Фейри» в тазу, сзади послышались тяжелые шаги Деда. Старый генерал остановился у него за спиной и некоторое время молча наблюдал, как капитан управляется с посудой, потом уселся на колоду рядом

с ним, извлек из кармана трубку и начал не торопясь набивать ее табаком. Виктор, заметив это, удивленно хмыкнул про себя.

В Управлении считалось, что Дед не только не курит, но и вообще не выносит запаха табака. И тут Виктора осенило. Похоже, он прошел смотрины. Ибо сегодняшняя уха явно устраивалась именно для того, чтобы дать возможность остальным Дедовым сотрапезникам посмотреть на него. Все разговоры за столом велись исключительно об ухе, погоде, о видах на урожай помидоров и способах засолки сала и копчения рыбы. Чтобы все эти люди сорвались посередине рабочего дня только для того, чтобы пару-тройку часиков поболтать о таких вещах и отведать ухицы, сваренной малознакомым опером из Дедова Управления, – такого Виктор просто не мог себе представить, хотя его нельзя было назвать человеком без воображения. Ко всему прочему, по некоторым нюансам разговора Постышев понял, что о нем самом все остальные присутствующие осведомлены как минимум в объеме его личного дела, а кое-кто и гораздо более детально. Это означало, что референт прав и Дед уже давно подбирал человека для какого-то крайне деликатного дела. И по пока еще неясным причинам его выбор пал именно на Виктора. Впрочем, после сегодняшней ухи можно было сказать с уверенностью, что это деликатное дело касается отнюдь не только одного Деда.

– Ну что, Витя, все еще ломаешь голову, чего это Дед решил тебе подкинуть?

Постышев ополоснул две последние миски, кинул их в стопку и, выпрямившись, повернулся к старому генералу:

– Да не то чтобы очень.

Дед вскинул свои седые кустистые брови:

– Это почему?

Капитан обезоруживающе улыбнулся:

– Так ведь все равно скоро расскажете.

Дед хмыкнул:

– Вот стервец... Вот за это я тебя и выбрал, Витенька. Ты умеешь быть таким обаятельным наглецом, что на тебя невозможно обижаться.

Вот уж что верно, то верно. На свете было очень мало людей, которые держали зло на Постышева. Даже с подружками он ухитрялся расставаться легко и без обид. Поэтому у него по Москве было почти полсотни квартир, где ему был всегда готов и стол, и дом... ну почти всегда. Тут Виктор бросил взгляд на Деда и мгновенно посерьезнел.

– То, что я тебе поручу, не будет проходить ни по каким учетам. Более того – никаких докладов обо всем, что тебе удастся раскопать. Никому. Даже мне. Только после того, как все, что ты накопишь, оформится в более-менее внятные выводы, только тогда я жду от тебя доклада. А до тех пор – ты обычный сотрудник, более того, пару месяцев ты походишь у меня в любимчиках, а потом я спущу на тебя всех собак, отстраню от дел и... ты уйдешь в глубокий запой. После чего тебя отправят в санаторий, подлечить нервишки. И вот тогда ты развернешься как следует. – Дед замолчал. Виктор молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– Дело вот в чем. Не так давно, чуть больше трех лет назад, у нас появилась одна интересная контора. Так называемый «Фонд Рюрика». – Дед хмыкнул. – Сказочники, мать их... – Он сунул мундштук в рот, затянулся и продолжил: – Так вот. Контора эта очень интересная. Учредителем этого Фонда выступила одна организация, зарегистрированная в кантоне Цюрих. Судя по тем учредительным документам, до которых нам удалось добраться, ей около двухсот лет. Ее название в переводе с немецкого звучит так: «Общество содействия возрождению династии». Судя по документам, основная задача этой организации – возвращение на русский престол прямых наследников царя Ивана Грозного. Причем, если судить по имеющейся у нас информации, организационно это общество оформилось много раньше, около четырехсот лет назад. – Дед замолчал, уставившись на Постышева веселыми глазами. Секунды две они словно

бы бодались взглядами, ехидным у Деда и изумленным у Виктора, потом старый генерал не выдержал и рассмеялся.

– Ладно, неча на меня пялиться, как на старого маразматика.

Капитан смутился:

– Да нет, я ничего...

– Вот и я ничего. – Дед крякнул. – Сказать по правде, если бы не кое-какие интересные факты, я бы тоже принял этих людей за очередное сборище тихих, безобидных шизофреников. Но, как выяснилось, все не так просто. Иначе нам пришлось бы признать, что на свете существуют общества тихих шизофреников, которые для удовлетворения своей шизофрении располагают ежегодным бюджетом не менее чем триста миллионов долларов. Причем заметить – это по самым скромным оценкам.

На лице Виктора было написано такое изумление, что Дед хохотнул:

– Ладно, закрой рот, кишки простудишь. – Он снова затаился, выпустил вполне профессиональное колечко дыма и уже серьезно продолжал: – Так вот, эти люди утверждают, что более четырехсот лет назад родоначальникам этого общества действительно удалось спасти, а потом укрыть от преследований со стороны Василия Шуйского сына Ивана Грозного – Дмитрия. Да-да, того, под которого потом косили Лжедмитрии. И на протяжении всех этих четырехсот лет они занимались тем, что сохраняли поелику возможно чистую династическую линию Рюриковичей и готовили их возвращение на российский престол. – Дед опять помолчал, ожидая, пока Виктор немного придет в себя. Уж больно ошеломляющие новости он услышал. Причем, если бы Постышев вычитал что-нибудь такое в любой, даже самой серьезной газете или, скажем, услышал бы по телевизору, он бы прекрасно знал, как поступить с подобной информацией, но то, кто и как сообщил ему все это, заставляло относиться к этому бреду совершенно иначе. Между тем Дед заговорил снова:

– Но, если не считать этого бредового обоснования, во всем остальном Фонд ведет себя вполне адекватно. Настолько, что я даже начал задумываться над тем, где они набрали таких блестящих администраторов. За эти три года они потратили в России почти миллиард долларов, и ни одна копейка не пропала даром. Если они учредили Рюриковские стипендии, то все сорок миллионов долларов выданы на руки до последнего цента. Если они занимаются реконструкцией памятников, то дело поставлено так, что ни один музейный завхоз, ни один подрядчик не смогли украсть у них ни рубля. Помнишь скандал со строительной компанией «Глобалстройтраст»? Ну, об этом еще «МК» писала пару месяцев назад...

Виктор вспомнил.

– Так вот, все их неприятности начались, когда эти ребята решили, что у таких милых людей не убудет, если они слегка округлят свой собственный капиталец. – Дед покачал головой. – Я к ним давно уже приглядывался, но вот этот эпизод меня просто потряс. Ребята из «Глобал» обстряпали все очень профессионально. Но менты вскрыли эту фирму, как ты сегодня банку со шпротами. Всего через два дня у них уже были на руках не только все необходимые заключения экспертов, но и все номера счетов в офшорных зонах, все даты и суммы переводов, все схемы вывода средств и так далее. Конечно, эта фирма не «Газпром» и не «Медиа мост», но даже нашей конторе, чтобы раскопать на них эту информацию, понадобилось бы не менее трех месяцев. А тут три дня... – Дед задумчиво пососал свою трубку, а у Виктора в который раз за сегодняшний день екнуло сердце.

– Значит... – начал он. Но Дед прервал его мощным вздохом.

– А вот что это значит, тебе как раз и предстоит выяснить. И, ради бога, не делай поспешных выводов.

8

Они стояли на краю котлована и смотрели вниз. Склон, начинающийся прямо от их ботинок, полого опускался вниз и сорока метрами дальше уходил в воду.

– А как здесь с остаточной радиацией?

Задавший этот вопрос молодой человек повернулся к одному из сопровождающих. Тот смущенно хмыкнул:

– Да какая тут радиация...

Молодой человек молча смерил его взглядом, отвернулся и посмотрел вниз на озеро правильной круглой формы, занимавшее дно этой котловины, которая также обращала на себя внимание своей неестественно правильной формой. Он не сделал ни единого лишнего жеста и не отдал никакой команды, но из-за его спины тут же выскочили двое, отягощенные ярко-оранжевыми кубиками дозиметров и массивными дубинками зондов, закрепленных на выдвижных штангах, и порскнули вниз, к воде.

Спустя пять минут один из них рысью взлетел вверх и доложил:

– По всему обрезу воды двести – двести двадцать миллирентген в час.

Молодой человек повернулся к мужчине, которого ранее спрашивал об уровне радиации. Тот, красный как рак, переминался с ноги на ногу. Молодой человек долго и внимательно смотрел на него, затем, так ничего и не сказав, спокойным шагом двинулся прочь от котловины. Когда он удалился шагов на двадцать, мужчина с шумом выпустил воздух из легких и тут же судорожно вдохнул. До него только сейчас дошло, что все это время он стоял, затаив дыхание. Впрочем, этот факт его не очень-то поразил. Пока он чувствовал на себе взгляд этого, как ему показалось при первой встрече, сопляка, его вообще не покидало ощущение, что этот взгляд сначала сдирает с него кожу, затем очищает кости от мышц, а продолжайся эта пытка еще минуты две, дело дошло бы до печенки с селезенкой. Вот дьявол, и угораздило же его вляпаться в эту историю...

О существовании этих людей он узнал всего семь часов назад в кабинете своего старого друга, главы администрации Усть-Неры. Тот позвонил ему еще накануне вечером:

– Макарыч, у меня-меня хорошие новости.

Макарыч в тот вечер как раз хорошо посидел с нужными людьми, которым он устроил отличную охоту. На оленей, с вертолетов. Так что в его слегка затуманенной голове не сразу сложилось, кто и по какому поводу звонит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.